

Б И Б Л И О Т Е К А

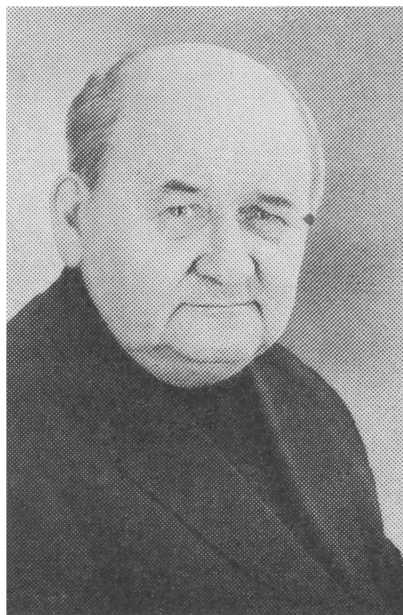
ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 42

1984

Евгений РЯБЧИКОВ

**ЗА ГОРИЗОНТОМ—
ГОРИЗОНТ**

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 42

Евгений РЯБЧИКОВ

ЗА ГОРИЗОНТОМ — ГОРИЗОНТ

Рассказы и очерки

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1984

Евгений РЯБЧИКОВ

Евгений Иванович Рябчиков родился в 1909 году в Ярославле. Его первые очерки и репортажи были опубликованы в нижегородских газетах «Пролетарские кадры» и «Ленинская смена». Встреча с Алексеем Максимовичем Горьким определила творческий путь молодого литератора. Он рассказывал читателям о строительстве Магнитки и Днепрогэса, Кузнецкого комбината и Горьковского автозавода, об исследовании и освоении Сибири и Арктики, запуске первых ракет. Побывал на Южном и Северном полюсах, с первым эшеленом уехал на целину; дважды совершил путешествие от истоков до устья Енисея, а также от истоков до устья Волги, Оби, Лены, Иртыша. Первым рассказал о первом в мире искусственном спутнике Земли.

Евгений Рябчиков — автор многих книг и научно-популярных и документальных фильмов. Он удостоен Ломоносовской премии Академии наук СССР и премии Союза журналистов СССР. Награжден орденами и медалями СССР.

ПОЕЗД В БУДУЩЕЕ

Длинным сводчатым коридором, полным гула, отрывистых команд, лязганья оружия, топота матросских и солдатских ног, шел к Ленину Бонч-Бруевич. Перед ним мелькали, сливаясь воедино, морщинистые лица, углубившиеся от недоедания глаза, худые руки — вестники наступающей беды. Тревогой веяло и от смеси запахов ружейного масла, махорки, пота, кислоты промокших шинелей. А как недавно все здесь было иным, когда штурмом взяли Зимний и революция делала свои победоносные шаги! В этих коридорах всех охватывало такое яростное ликование, какое, быть может, вспыхнуло впервые в истории. Теперь же, в промозглые мартовские дни 1918 года, все стало иным — враг рвался к стенам Питера, в городе стреляли из-за угла, кончались запасы хлеба, анархисты из «поезда дезертиров», разгромив винные подвалы, учинили такое побоище, что только революционные отряды из Петропавловской крепости и с крейсера «Аврора» смогли навести порядок.

С докладом обо всех этих событиях минувшей ночи и шел к Ленину управляющий делами Совнаркома. Широкая шляпа, черное демисезонное пальто, сверкавшее пенсне настолько выделяли Бонч-Бруевича из потока шинелей и бушлатов, что он казался здесь сугубо штатским человеком, не имевшим ни малейшего отношения к военным делам. Но именно этот человек в черном демисезонном пальто, с наганом в кармане обладал в Смольном большой властью и как управляющий делами Совнаркома и грозный председатель Комитета 75-й комнаты — Комитета комиссаров из рабочих, солдат и матросов. Комиссары охраняли Смольный, ловили шпионов, диверсантов, террористов и провокаторов и вели их в комнату № 75. В то утро Бонч-Бруевич только что закончил допрос доставленного матросом Железняковым лазутчика эсеровского подполья и выяснил подробности подготовки нового покушения на Ленина.

Шагая среди солдат и матросов по гулкому коридору, председатель Комитета комиссаров мрачно обдумывал трагические вести, искал, в каком порядке сообщать о них, как комментировать и вносить предложения. Что было главным в сообщениях за минувшую ночь?

Перестрелка с анархистами? Сборище монархистов на кладбище? Погром? Убийство часового? Да, конечно, все важно, все вселяет тревогу, требует принятия самых решительных мер. Но еще горше сведения о новом наступлении кайзеровских войск — они вторглись на Украину и в Белоруссию, захватили всю Литву и Эстонию, ликвидировав там Советскую власть, рвались к Питеру. Над молодой Республикой Советов нависла смертельная опасность.

В портфеле Бонч-Бруевича лежали перехваченные подпольные листки монархистов и меньшевиков. Как по команде, все они заговорили: до падения Советской власти остались считанные дни. Буржуазная газетенка тиснула статейку: «Красное правительство, отвергнутое массами, бежит из Петербурга...» Так и напечатано: «бежит»! Это подлое слово вывело из себя Бонч-Бруевича. Все обстояло иначе: ввиду угрозы Петрограду, возникшей в связи с оккупацией германскими войсками Прибалтики, а также в целях приближения столицы к важнейшим экономическим районам страны, по предложению Ленина Советское правительство приняло решение: перенести столицу Советского государства из Петрограда в Москву. Это было мудрое решение, продиктованное грозными обстоятельствами. Именно поэтому против него выступили меньшевики, эсеры и оппозиционеры в самой партии: они хотели поставить Советское правительство под удар кайзеровской армии и оторвать его от всей страны. С этого и нужно начинать доклад, решил Бонч-Бруевич...

Из встречного потока солдат выскочил быстрый, энергичный Свердлов. Блеснули его яркие, светящиеся умом и воодушевлением жгуче-черные глаза.

— План готов? Время отъезда? Откуда? — обрушил он град вопросов.

— Готовьтесь к отъезду, Яков Михайлович, — оглянувшись, тихо ответил управляющий делами Совнаркома. — Сейчас доложу Владимиру Ильичу.

— Очень спешу. Заходите. Обязательно. Все уточним. — Свердлов тотчас исчез.

В приемной, в которую вошел Бонч-Бруевич, стояли два стола — один его, управляющего делами Совнаркома, второй — Николая Петровича Горбунова, секретаря Совнаркома. Горбунов, увидя управляющего делами, движением руки остановил его, и оба посмотрели через открытую дверь в кабинет Ленина.

Закинув за спину руки, Ленин стоял у замерзшего окна. С Невы дул ветер, летел мокрый снег. Ленин горько досадовал: после острых дискуссий все обсудили на только что закончившемся съезде партии, приняли решение о Брестском мире, о положении в стране, в Питере, а теперь выясняется: оппозиция ничему не научилась, не сделала для себя разумных выводов. И вот опять началось отрицание Брестского

мира, крики: вперед, в бой, ни шагу назад из Питера! Как не понимают они, что от триумфального шествия массы перешли к периоду необычайно трудного и тяжелого положения в стране? Массы неимоверно устали, воевать дальше никоим образом невозможно. Нужен мир. Любой ценой. Необходима передышка. Подписание договора о мире при поражении есть средство собирания сил. А в ответ — потоки пустейших фраз, гордые позы мнимых рыцарей революции.

Бонч-Бруевич и Горбунов смотрели на Ленина, понимая его состояние. Сколько нужно сил, чтобы не только переносить величайшие испытания, но и заряжать всех верой в победу!

Ленин постучал пальцами по замерзшему стеклу, опять закинул руки за спину. Положение архитяжелое...— думал он. Но кризис будет изжит. Ни наша партия, ни наша революция себе шею не сломают, хотя в данный момент это совсем близко, совсем возможно.

В это время из открывшейся двери в коридор ворвался гул и как-то боком вошел солдат пулеметного полка, охранявшего Смольный, Желтышев. Он принес из столовой полагавшийся по пайку Ленину жидкий рыбный суп в котелке и кашу. Сметливый солдат понял: важно соблюдать тишину — и осторожно поставил на стол Горбунова котелок. Ленин услышал шум и резко повернулся:

— Ну-с... С добрым утром. Чем порадуете, Владимир Дмитриевич? Вижу, вижу — радостей маловато. Все горести?

Без предупреждения вошел Дзержинский. Распахнул длинную шинель, впился руками в поясной ремень и выпалил:

— Пишут: «бежим»... «труссы»... Это мы-то труссы? Это мы бежим? Какая подлость! А теперь рыщут: хотят выведать, когда отъезд правительства, чтобы одним ударом взорвать поезд.

Ленин вздохнул, дружески посмотрел на Дзержинского, понимающе улыбнулся ему и сразу перевел разговор на деловые рельсы. Контрреволюция, конечно, постарается воспользоваться редчайшим моментом: во время переезда одним махом уничтожить ЦК, Совнарком, ВЦИК. Но мы этого не допустим.

Дзержинский, подхватив мысль Ленина, сказал: переезд правительства — операция не столько транспортная, сколько политическая. Все нужно держать в строжайшей тайне. По этому случаю у Владимира Дмитриевича есть разработанный совместно с ВЧК план переезда правительства в Москву.

Еще ранее, сразу после принятия правительством решения о переезде, Бонч-Бруевич докладывал Ленину о полученных в 75-й комнате сведениях: эсеры решили взорвать правительственный поезд. Тогда Ленин отнесся к сообщению совершенно спокойно и лишь спросил:

— И что же, мы все-таки поедим?

— Конечно! — воскликнул Бонч-Бруевич.

Председатель Комитета из 75-й комнаты имел все основания для столь категорического утверждения. Всего лишь 1 января 1918 года эсеры совершили покушение на Ленина. Офицеров из «батальона смерти» в Институте Лесгафта схватили в момент, когда они готовились пустить в ход бомбы и револьверы. Комиссары из комнаты 75 провели ликвидацию нескольких групп и организаций, готовивших террористические акты.

Ленин внимательно посмотрел на Бонч-Бруевича, словно изучая его, и спросил:

— Гарантируете вы нам благополучный проезд?

— Предполагаю, что проедем спокойно.— Бонч-Бруевич тут же высказал общие соображения о составлении плана переезда в Москву.

Ленин внес коррективы, дал советы и одобрил предварительные наброски плана, посоветовав держать все в полном секрете и даже в Совнарком не говорить о переезде, чтобы не было случайной болтовни.

План был подготовлен, и теперь в присутствии Дзержинского Ленин должен был его обсудить. План состоял из двух частей. Прежде всего будет готовиться с шумом в газетах отъезд депутатов ВЦИК. В их распоряжение подадут на Николаевский вокзал два «царских» поезда. Один за другим с небольшим интервалом они отправятся в путь. С одним из этих поездов отбудет председатель ВЦИК Я. М. Свердлов.

По этому плану, одобренному Лениным, в назначенный день на Николаевский вокзал были поданы роскошные «царские» поезда в позолоте, сиянии зеркальных стекол и вагонных бра. Горбунов со свойственной ему вежливостью и тактом пригласил депутатов ВЦИК в мягкие вагоны, но рассаживал он их так, чтобы везде были представители всех партий, причем эсеров усадил с комфортом в первых вагонах обоих поездов. Расчет простой: из-за большевиков они сами себя взрывать не будут.

Перед отправлением первого поезда на вокзал прибыл председатель ВЦИК Я. М. Свердлов. И тут во всем блеске проявили себя комиссары из 75-й комнаты: они прошли со Свердловым по всему составу, знакомя его с тем, насколько удобно расположились депутаты и как удовлетворяются их пожелания. Все это происходило на глазах репортеров и вокзальной публики, и всем было ясно: Я. М. Свердлов отбывает с первым поездом. Между тем когда Свердлов дошел до последнего вагона, нарочно не освещенного, Бонч-Бруевич и Горбунов попросили его выйти из тамбура в противоположную перрону сторону. По заранее намеченному пути Яков Михайлович незаметно перешел в другой поезд и с ним отбыл в Москву.

Пришло время выполнять и вторую, наиболее сложную и опасную часть плана переезда. Получив одобрение и советы Ленина и Дзержинского, Бонч-Бруевич собрал в 75-й комнате комиссаров, разложил на столе карту Петрограда и сообщил: чтобы сбить с толку ищек

и навести их на ложный след, будут и на этот раз отправлены два «царских» поезда с Николаевского вокзала. Они должны быть ярко освещены и выглядеть торжественно, как и полагается правительственным поездам. Первый проложит путь и примет на себя удары. Вслед за ним пойдет с погашенными огнями, без гудков, в полнейшей тайне поезд особого назначения. После него последуют с Николаевского вокзала один за другим ярко освещенные пассажирские поезда. А между ними — наш, главный, литерный.

— Вот это игра со зверем! — в восторге стукнув кулаком по столу, воскликнул матрос Михаил Цыганков.

— Прошу соблюдать спокойствие, — сухо заметил Бонч-Бруевич. — Для конспиративной отправки литерного поезда нам нужно выбрать незаметную, но удобную для посадки платформу. Какие будут рекомендации?

Бонч-Бруевич уже имел рекомендацию: один из комиссаров Николаевской железной дороги посоветовал взять Цветочную площадку соединительных путей за Московской заставой. По словам комиссара, площадка эта совершенно заброшена и находится в пустынном месте пригородных путей.

То же предложение Бонч-Бруевич услышал и в комнате 75. Это укрепило в нем уверенность в правильности выбора.

— Цветочная подойдет... — в задумчивости сказал Бонч-Бруевич. — Но почему она Цветочная?

— Рядом улица Цветочная, вот от нее и пошло название товарной платформы, — разъяснил комиссар из железнодорожников.

— Товарищ Цыганков, — обратился Бонч-Бруевич к комиссару, своему адъютанту. — Едем на Цветочную. Позаботьтесь.

Михаил Цыганков по-матросски быстро и ловко исчез за дверями. А председатель комитета продолжал советоваться с комиссарами: нужно проверить весь район вокруг Цветочной площадки и распустить по Питеру слух: Ленин уезжает в Москву с первым правительственным поездом вечером одиннадцатого марта с Николаевского вокзала. Необходимо проверить поездную бригаду нашего, литерного, обеспечить эстафетное наблюдение за поездом на всем пути его следования до новой столицы. Нужно обеспечить охрану поезда, поставить пулеметы, протянуть из вагонов на паровоз провод внутреннего телефона, на выходных стрелках должны дежурить самые верные коммунисты-железнодорожники.

— Машина ждет, товарищ председатель, — послышался голос Цыганкова.

Комиссары стали натягивать на плечи свои кожаные тужурки, пристегивать кобуры маузеров, убирать в карманы наганы и браунинги: совещание кончилось.

Мартовское солнце тускло освещало серые каменные здания окраины, когда машина, миновав Московские Триумфальные ворота

и приняв сугробы на улицах, вышла к Цветочной площадке. Бонч-Бруевич с Цыганковым осмотрели заброшенную грузовую платформу, небольшое кирпичное здание на служебной ветке с вывеской «Цветочная», поржавевшие, давно не видевшие паровозных колес рельсы и спросили подошедшего стрелочника о состоянии путей и как давно здесь разгружались или грузились вагоны. Стрелочник, недоверчиво взглянув на шляпу и пенсне неизвестного ему человека, забеспокоился и спросил, зачем ему нужно так много знать. Цыганков успокоил стрелочника.

— Ну что ж... место глухое, запущенное, вокруг живет рабочий народ — все как быть должно, — с удовлетворением сказал управляющий делами Совнаркома. — Важно и то, что вполне приличные подъезды с Забалканского проезда.

По возвращении в Смольный Бонч-Бруевич сообщил Дзержинскому о пригодности Цветочной площадки для отправки с нее поезда специального назначения. Получив его одобрение, доложил обо всем Ленину.

С Цветочной площадкой Ленин был знаком: однажды в тяжелую пору гонений на Забалканском поселились некая Прасковья Онегина и Чхеидзе: под этими именами тогда скрывались Надежда Константиновна Крупская и Владимир Ильич Ленин.

Ленин расспросил, как выглядят теперь Цветочная улица и Цветочная платформа, в каком состоянии находятся подъездные пути, посоветовал для пробы подогнать к платформе несколько пассажирских вагонов и проследить, кто и как заинтересуется их появлением.

В кабинет вошла Надежда Константиновна.

— Володя, вот томик Некрасова; ты его просил.

— Спасибо, Наденька. Ты послушай, что говорит Владимир Дмитриевич: мы поедем в Москву с Цветочной площадки. Помнишь Забалканский? Теперь, дорогая Прасковья Онегина, должен сообщить: Владимир Дмитриевич разрешает нам на всю семью взять не более двадцати пудов груза.

— Так много? — шутливо спросила Крупская.

Ленин с веселым видом осмотрел кабинет, пожал плечами.

Вот стол, что упирался в стену, над ним лампочка, на стене карта Российской империи. Скромную обстановку кабинета дополняли диван у перегородки, круглый столик в углу и несколько венских стульев. И братъ-то в дороге нечего. Впрочем, да — книги! Конечно, книги. Но не двадцать же пудов!

— Надюша, — обратился Ленин к Крупской, — мы, надеюсь, уложимся с тобой в этот архискупой лимит? Ну, а теперь, Владимир Дмитриевич, рассказывайте, как выполняется весь план. Оповещены ли комиссары по железной дороге? Как проводится дезинформация противника?

— Николай Петрович, — Бонч-Бруевич посмотрел на Горбунова, — был в редакции «Известий», и там утром десятого марта появится следующее сообщение: «...настоящим объявляется, что Совет Народных Комиссаров предполагает выехать в Москву в понедельник 11 марта, вечером...» А отъезд будет произведен вечером десятого марта, о чем мы известим всех отъезжающих. Поезд отойдет в темноте, без огней, в полной тайне.

— Как с топливом? — спросил Ленин.

— Поедем на дровах. Угля нет, только дрова.

— Кто комендант поезда?

— Михаил Цыганков.

— Едем на дровах... — в задумчивости произнес Ленин. — Угля нет...

Ты и убогая, ты и обильная,
Ты и могучая, ты и бессильная
— Матушка-Русь!

В кабинете стало тихо. Надежда Константиновна перебирала на столе бумаги, Горбунов что-то старательно записывал. Бонч-Бруевич мысленно проверял, все ли он согласовал с Лениным.

Ленин, нарушив молчание, твердо и решительно сказал:

— Пусть кричат что угодно наши враги. Мы отступаем, чтобы из Москвы повести широкое наступление, начнем строительство новой жизни, пойдем вперед.

Резко зазвонил телефон. Горбунов снял трубку, покрутил ручку, — Ленина срочно вызывал Подвойский. Следующий звонок — Урицкого. На ходу гася сигарку и разгоняя от себя дым, вошел правдист Еремеев. Он принес ворох солдатских писем, заметки рабочих, вырезки из буржуазных газет, — нужен совет Ленина: как отвечать на выпады врагов? Что писать о переезде правительства в Москву? Еремеев еще вел разговор, а стали прибывать курьеры из наркоматов, с кораблей, фортов, из Петропавловской крепости, и все требовали срочных, предельно быстрых ответов, советов, указаний, приказов.

Желтышев прошел к Ленину и, выбрав минуту, стал уговаривать его съесть хотя бы кашу. Крупская, занимавшаяся подготовкой декрета по вопросам народного образования, пододвинула мужу котелок и ложку. Ленин не успел сделать и нескольких глотков, как снова тревожно и грозно зазвонил телефон: на проводе Крыленко. И тоже плохие новости. В прихожей столпилась делегация матросов; моряки желали разговаривать только с Лениным и никого другого не хотели признавать: лишь Ильичу они могут сообщить военную тайну. Бонч-Бруевич с трудом уговорил их пойти за ним следом в 75-ю комнату и там обсудить важное сообщение.

Поправив на боку маузер, глава делегации, матрос с круто завинченными усами, услышав о 75-й комнате, гаркнул:

— Знаем. Пошли, братва. Там поймут.

В ожидании Бонч-Бруевича комиссары смолили махорочные закрутки, пили кипяток, просматривали на свет стволы своих револьверов, крутили барабаны, проверяя в них патроны. При появлении председателя все оживились, подтянулись, приготовились к кратким докладам.

Бонч-Бруевич предложил одному из комиссаров-матросов переговорить с делегацией моряков, а сам приступил к проверке выполнения заданий и сбору наиважнейших сведений. Как и следовало ожидать, по всему Питеру рыщут десятки лазутчиков, выясняющих везде и всюду: когда и с какого вокзала поедет в Москву Ленин? Из надежных источников получена информация о подготовке правыми эсерами крушения поезда: по железнодорожной линии уже отправлены в Бологое и Тверь оравы пьяных анархистов заваривать на станциях смуту.

Бонч-Бруевич нахмурился, снял пенсне и принялся протирать его с такой силой, словно на нем хотел выместить свое настроение.

— Что на Цветочной? — спросил он, посмотрев в сторону Цыганкова.

Еще накануне на Цветочной и прилегающих к ней улицах появились небритые, в оборванной одежде люди — не то дезертиры, не то безработные... Странные люди подолгу засиживались в трактирах, чайных, в парикмахерских и сапожных мастерских, всюду затевая пустые разговоры, неся всякую чепуху и вздор. Это были люди из 75-й комнаты Смольного. Они установили: Цветочной площадкой никто специально не интересуется, за ней нет наблюдения агентуры эсеров и анархистов. Для полнейшей проверки к платформе подогнали пассажирские вагоны, но и этот маневр не вызвал в районе особого интереса.

Далее Цыганков доложил:

— Поезду специального назначения присвоен литер 4001. Его вагоны проверены. Латышские стрелки, выделенные для охраны, разместятся по вагонам в голове и в конце поезда. Пулеметы уже доставлены. Телефонная проводка по всему составу к паровозу готова.

Последовали сообщения других комиссаров о готовности «царских» поездов на Николаевском вокзале. Эсерствующие железнодорожники уже извещены: правительственный поезд отбывает с Ленинским с Николаевского вокзала 11 марта вечером. Об этом сразу же стало известно всему городу. Для подтверждения слухов в «Известиях» набрано и сверстано объявление об отправлении правительственного поезда вечером 11 марта. Как и было задумано, объявление появилось 10 марта в утреннем выпуске газеты. Оно стало как бы сигналом: в то же утро к коменданту Смольного Павлу Малькову прибыл курьер от Комитета революционной обороны Петрограда с предписанием: обязать все караулы беспрепятственно пропустить

10 марта в 3 часа дня броневика, которые займут свои позиции у Смольного института во взаимодействии с орудийными расчетами и пулеметчиками. Броневика, артиллерия, грузовики с вооруженными матросами и готовые к бою пулеметы были призваны оградить Смольный, обеспечить безопасный отъезд правительства. И тогда же, утром 10 марта, народные комиссары и работники Совнаркома получили секретные пакеты с извещением: отъезд в Москву состоится 10 марта с. г., в воскресенье, ровно в 10 часов вечера, с Цветочной площади. Всем отъезжающим предлагается прибыть к месту посадки за час до отхода поезда.

Ленин в то утро вошел, как обычно, в свой кабинет, решив наскоро подготовиться в путь. Но тотчас нахлынули неотложные дела. Бонч-Бруевич просил совета: как ликвидировать комнату 75 и передать ее дела молодой ВЧК, Дзержинскому? Самокатчики доставили наискорейшие донесения. Заглянул поэт Демьян Бедный — прочитал для «Правды» частушки. Ленин, поглядывая на поэта искоса, снизу вверх, все прищуривал глаза и наконец засмеялся, и так, что засмеялся и всегда холодный, озабоченный и точный Горбунов.

— Пойдет. Так вокруг много горя, так много крови, что смех очень нужен, особенно когда он оружие.

Много, много дел и все важные, но важнее важного — обсудить с Комитетом революционной обороны план и меры обеспечения защиты красного Питера, укрепления в городе революционных порядка и дисциплины. Нельзя — ни в коем случае нельзя! — допустить такое, чтобы отъезд правительства привел к какому-либо ослаблению позиций Советов.

Слушая вопли об «агонии Советов», о том, что он, «Ленин, бросает красный Питер», нужно было сдерживать себя, охлаждать паникеров спокойствием, даже шуткой и при этом, не теряя времени, быстро и точно принимать все новые и новые решения, заботиться о снабжении хлебом питерских рабочих, передать радиограммы на крейсер «Аврора» для связи с фронтом, правительствами Франции и Англии, с командованием кайзеровской армии. Штабом всегда был кабинет Ленина, и теперь все кипело и бурлило в нем.

За сто двадцать четыре дня жизни и работы в Смольном Ленин разрабатывал основные вопросы политики Советской власти, направлял работу по национализации банков, железных дорог и крупной промышленности. По его инициативе создавалась новая Рабоче-Крестьянская Красная Армия. Он выступал инициатором и автором основных декретов Советской власти. Все органы Советского государства, все наркоматы создавались под руководством Ленина. Им были написаны здесь сотни различных документов и статей, и вот теперь, в роковые дни, нужна была программная статья для всех, кто безумно устал, кто видит, как сгущается тьма, слышит, как у виска свистят вражеские пули и голод хватает за горло, и кто не желает вновь стать

рабом, кто готов идти на новые муки и жертвы, лишь бы точно знать цель, знать, какие нужно решать главные задачи.

Мысль о выступлении на эту важнейшую тему давно зрела у Ленина. Но в дни величайших испытаний, когда все стоит на краю бездны, она вызвала в нем острейшую потребность безотлагательно обратиться к массам: нужно немедленно писать статью! Он определил ее название: «Главная задача наших дней». Ничего не скрывать в ней от масс. Никаких иллюзий! Никаких пустых обещаний и красивых фраз — говорить только правду, честно обращаться к тем, кто может и должен сделать Русь могучей и обильной, создать счастливую жизнь для людей труда.

Тяжело? Да, очень и очень тяжело. Россия охвачена пожарами, голодает, контрреволюция поднимает голову, Антанта готовит удар бронированным кулаком. Все верно, все правильно. И так тяжело, что хуже быть не может, стоит только посмотреть на Дзержинского: на кого он стал похож?.. Ничего не поделаешь — борьба! И пусть лучше будет нам тяжело, только бы одолеть. А победим обязательно. Победа неизбежна. Голодные, веками жившие в рабстве массы впервые вдохнули воздух свободы, впервые познали, что значит своя земля и работа на себя, что такое творение своего и общего счастья. До сознания масс дошло нечто очень простое и доступное разуму: Советы и коммунизм. Нужно разъяснить, как бороться за них.

И потому, заканчивая последние дела в Питере, прощаясь с товарищами, оставшимися в городе, не упуская из поля зрения ход операции «переезд», Ленин вырывал минуты, чтобы заняться статьей. Он уже предпослал ей эпиграф из поэмы Некрасова и видел ее общее направление. Так хотелось целиком отдаться ей и писать, писать. Но... уже близился вечер, пришел замкнутый, строгий Горбунов и со свойственной ему педантичностью стал собирать и увязывать бумаги и книги. Какая жалость! Придется заканчивать статью в поезде, чтобы уже в Москве послать ее в типографию «Известий». Но Ленин все же продолжал набрасывать торопливые строки, пока не появилась Мария Ильинична. Сестра была неумолима, пришлось отложить перо.

На Николаевском вокзале стояли под парами ярко освещенные правительственные поезда, готовые в любую минуту отправиться в путь. В то же время в отличие от роскошно сиявших поездов на Николаевском вокзале тихо и незаметно, во тьме, подошел к Цветочной площадке без единого огонька пассажирский поезд 4001. Михаил Цыганков, его комендант, осмотрел места, занятые латышскими стрелками, как и где установлены пулеметы, переговорил из вагона по телефону с паровозным машинистом и исчез во тьме — занялся проверкой охраны выходных стрелок.

На город уже опустился сырой мартовский вечер, улицы и площади тонули во тьме, когда из Смольного вышли грузовики —

уезжали семьи работников Совнаркома, везли их имущество. Прежде чем направиться к Цветочной площадке, грузовики колесили по темному городу, сбивая с толку тех, кто хотел узнать, кто и куда едет. Когда же началась перегрузка вещей из грузовиков в вагоны, комиссары разясняли любопытствующим: «Под Псков уезжают военные доктора, вот и грузят их имущество».

А в Смольном, едва ушли грузовики, во всех окнах вспыхнул свет — это была еще одна хитрость: со стороны казалось, в кабинетах, как обычно, идет напряженная работа. И, как всегда, стояли на своих местах пушки и пулеметы, правда, к ним прибавились еще броневики. Как и всю зиму, у дымных костров грелись матросы и солдаты ночных караулов.

В девятом часу вечера в кабинет Ленина вошел высохший от волнений, напряжения и бессонниц Бонч-Бруевич. Он посмотрел на часы:

— Пора, Владимир Ильич.

Вздохнув, собрав страницы рукописи, Ленин пошел на другой этаж, где жил с Надеждой Константиновной.

— Вот я и здесь, Маняша,— стараясь улыбнуться, доложил сестре Марии Ильиничне Ленин.

— Давайте сядем перед дорогой — таков старинный русский обычай,— очень серьезно сказала, не улыбаясь, не принимая шутливого тона брата, Мария Ильинична Ульянова.— Очень хороший и полезный обычай.

— Да, да, конечно,— поддержал предложение сестры Ленин и скромно примостился на краешке стула.— Сколько раз мы вот так усаживались перед дорогой... И вот снова...

В это время, стуча сапогами и гремя котелками, вошел Желтышев.

— Сидеть — это правильно, по-нашему,— одобрительно сказал Желтышев, родом из уфимских крестьян.— А перед дорогой пищу принять надо. Так положено, так заведено дедами.

Все сели, кто на чем — на стульях, в кресле. Стало тихо и печально. Занятый своими мыслями, Ленин бегло осмотрел аскетически скромную обстановку комнаты. Слева от двери стояли книжный шкаф и небольшой буфет, у стены — письменный стол, на нем — телефон, чернильница, керосиновая лампа. За перегородкой, в темной, без окон, спальне — шкаф для одежды и две простые железные кровати.

Надежда Константиновна, перехватив взгляд Ленина, осматривавшего комнату, пересела к нему поближе, положила на его руку свою и попыталась улыбнуться. Но улыбка получилась какая-то неестественная и печальная. Вот и прошли здесь четыре с лишним месяца жизни, и все дела, дела. Целыми днями Надежда Константиновна была на работе, сначала в Выборгском районе, потом в Наркомпросе. А Владимир Ильич оставался как бы беспризорным. Правда, Желтышев приносил ему обед и хлеб — все то, что полагалось

по пайку, да еще Мария Ильинична привозила иногда еду, но Надежды Константиновны не бывало дома, так что постоянной, регулярной заботы о питании Ильича не было. Но Ленин и не замечал неустроенности быта, спартанской обстановки в комнате: неприхотливый, совершенно не умеющий заботиться о себе, он думал о другом — вспомнилось, как сто двадцать четыре дня назад в парике, с перевязанной щекой, словно от зубной боли, пробирался он с верным Эйно Рахья через пикеты и заслоны контрреволюции из подполья в Смольный. Смертельная опасность угрожала им на каждом шагу, — Керенский незадолго до этого, выступая в Мариинском дворце, зачитывал цитаты из «Письма к товарищам» Ленина и называл его «государственным преступником», «разыскиваемым дворянином Ульяновым» и требовал немедленно арестовать его. Для выполнения приказа в штабе Петроградского военного округа отрядили группу юнкеров под командованием подполковника Германовича — ему-то и было приказано разыскать Ленина и арестовать. Пока ищейки бросились в редакцию «Рабочий путь», Ленин в кепке, с перевязанной щекой выбрался на Сердобольскую и направился в сторону Сампсониевского проспекта. Здесь их догнал трамвай, следовавший в парк. Рахья не успел оглянуться, как Ленин взобрался на заднюю площадку прицепного вагона.

— Куда едете? — спросил он женщину-кондуктора, забыв о своем обещании ни с кем не разговаривать.

— Революцию делать, вот куда! А вообще-то в парк. Всех нас пораньше в парк загоняют по случаю революции.

Ленин радостно заулыбался: ответ кондукторши ему очень понравился.

Горький утверждал: азарт был свойством природы Ленина. Но он не являлся корыстным азартом игрока, а обличал в Ленине ту исключительную бодрость духа, которая свойственна только человеку, непоколебимо верящему в свое призвание, человеку, который всесторонне и глубоко ощущает свою связь с миром. Азарт питает героизм, и то, как смело, веря в успех, Ленин шел через забытые войсками город в Смольный, есть высшее проявление его отваги.

В Смольном, перед подъездом, стояли автомобили и пушки, недалеко горели костры. Строем прошли солдаты. Ленин снял с лица линялый платок, которым повязал щеку, и, оставаясь еще в парике и кепке, прошел по шумным сводчатым коридорам в комнату, где собрались члены ЦК.

— Здравствуйте, товарищи! — скрывая волнение, стараясь говорить как можно спокойнее и проще, сказал Ленин.

Так он встал у руля, повел массы на штурм Зимнего, начертал Декреты о земле и мире, и после триумфа, восторженных встреч с рабочими и с матросами, после живого ощущения рождения нового мира — этот тайный отъезд из Смольного...

Бонч-Бруевич щелкнул крышкой карманных часов:

— Пора, Владимир Ильич.

Тяжело было идти Ленину по сводчатым коридорам, прощаясь со Смольным. Он любил его, ему были дороги простые, постоянно, деловому гудевшие комнаты и коридоры, напряженная атмосфера боевого штаба. Теперь он шел мимо комнат, в которых горели лампы, но не было кипучей, накаленной жизни, которая не затихала здесь ни днем, ни ночью. Теперь Смольный опустел.

С Надеждой Константиновной, Марией Ильиничной и Бонч-Бруевичем Ленин вышел из Смольного, сел в автомобиль и отправился по маршруту, лежавшему в стороне от обычного пути в центр города.

Посмотрев на освещенный Смольный, Ленин тихо сказал:

— Заканчивается петроградский период деятельности нашей центральной власти. Что-то скажет нам московский?

Каждый сидевший в машине задумался: что ждет их впереди? Как встретит Москва? Как они доедут до Цветочной площадки? Не случится ли что-нибудь в дороге? Все молчали. Только слышен был гул мотора да тонкий свист ветра.

— Все ли удалось сделать? — спросил Ленин Бонч-Бруевича и внимательно выслушал его ответы.

Казалось бы, все продумано очень тщательно и умно, задания выполняют надежные люди — коммунисты, много раз проверенные в боях и в тылу. Им доверена жизнь членов ЦК, наркомов — всего правительства.

Желая отвлечься от забот, Ленин потянулся к Надежде Константиновне, когда машина вышла на Забалканский проспект, и спросил ее:

— Узнаете, товарищ Прасковья Онегина?

— Узнаю, товарищ Чхеидзе. — Надежда Константиновна вспомнила: — Двор был проходной...

К Цветочной площадке подъехали в чернильной темноте. Из мрака выросли Цыганков с комиссарами. Они осветили электрическими фонариками машину и прибывших и, направляя белые лучи на землю, а затем на вагонные подножки и тамбур, проводили Ленина, его жену и сестру в салон-вагон. Бонч-Бруевич занялся устройством прибывших, затем отправился проверять караулы, вагоны, переговорил с паровозным машинистом, выяснил, как обстоят дела на Николаевском вокзале, и наконец дал сигнал отправлять первый правительственный поезд.

Выждав время и получив сообщение о его уходе, Бонч-Бруевич дал команду отправлять поезд 4001.

Специально выделенный комиссар, приняв приказ, прошел к машинисту и занял место в тендере паровоза. Без свистков, без боя станционного колокола, в темноте, без огней, поезд 4001 оставил Цветочную платформу. Набирая скорость, лязгая буферами и постукивая колесами, отправился он в путь. За ним с небольшими

интервалами отошли от перронов Николаевского вокзала пассажирские поезда 4002...4003...4004...

— Что же, мы так и будем сидеть во тьме? — не скрывая огорчения, обратился Ленин к Бонч-Бруевичу.

— Нам только бы выйти на главные пути. У нас везде электричество, — ответил, успокаивая Ленина, Бонч-Бруевич.

— Вот и хорошо! — обрадовался Владимир Ильич. — Можно будет почитать. — А думал о том, как, попив чайку, засядет за статью и за ночь напишет ее.

Бонч-Бруевич плотно зашторил окно и включил лампу. Когда же выехали на главный путь и, ускоряя ход, пошли на Любань, свет вспыхнул во всех вагонах. Но он не проникал наружу сквозь туго натянутые шторы. Принесли чай, сели за стол. Ленин шутил, и смеялся и, видимо, был доволен четкой, чисто военной организацией переезда. Он радовался, когда перед ним и Бонч-Бруевичем то и дело вырастал начальник отряда латышских стрелков и докладывал: прошли такую-то станцию, в поезде все благополучно.

Слушая перестук колес, Ленин вспомнил, как он, сбрив усы и бороду, в старом рыжеватом пальто и темно-серой кепке, ночью, под третий удар станционного колокола уезжал из Питера в Разлив. Но отогнал воспоминания, допил чай и стал торопливо писать. Нужно и важно было говорить во весь голос, открыто, прямо, звать, убеждать, доказывать: «История человечества продельывает в наши дни один из самых великих, самых трудных поворотов, имеющих необъятное — без малейшего преувеличения можно сказать: всемирно-основательное — значение». Далее Ленин писал: «...неудивительно, что на самых крутых пунктах столь крутого поворота, когда кругом с страшным шумом и треском надламывается и разваливается старое, а рядом в неописуемых муках рождается новое, кое у кого кружится голова, кое-кем овладевает отчаяние, кое-кто ищет спасения от слишком горькой подчас действительности под сенью красивой, увлекательной фразы».

Такова была обстановка, такова была расстановка сил. Ареной революционной борьбы, невиданной по размаху и глубине охвата масс, стала Россия. Именно ей пришлось «особенно остро и мучительно переживать наиболее крутые из крутых изломов истории, поворачивающей от империализма к коммунистической революции», именно здесь «к свободе и к самостоятельной жизни» подняты «самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику, новый тип государства... Мы пробудили веру в свои силы и зажгли огонь энтузиазма в миллионах и миллионах рабочих всех стран». Революционная Россия бросила вызов империалистическим хищникам всех стран, и в ответ вооруженный до зубов империалистический хищник напал на безоружных.

Обрисовав тяжелейшее положение в молодой Республике Советов, Ленин честно отметил: «Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде». Враги кричат, твердят, уверяют, будто Россия в тупике, идет к гибели. Но это «неправда, будто у нас нет выхода», — возмущенно писал Ленин и высказал все, что думал о спасении великого дела, что надо делать: «идти вперед... не падая духом от поражений, собирать камень за камушком прочный фундамент социалистического общества, работать, не покладая рук, над созданием дисциплины и самодисциплины, над укреплением везде и всюду организованности, порядка, деловитости, стройного сотрудничества всенародных сил, всеобщего учета и контроля за производством и распределением продуктов — таков путь к созданию мощи военной и мощи социалистической». Тогда Русь будет могучей, обильной и счастливой.

Поезд не раз останавливался, и тогда латышским стрелкам приходилось то разоружать пьяных дезертиров, остановивших литерный 4001, то направлять пулеметы на анархистствующих матросов, рвавшихся в вагоны подошедшего поезда. Михаил Цыганков, в бушлате и бескозырке с лентами, брал из охраны стрелков и с ними шел «разговаривать» с эсерами-железнодорожниками, мешавшими грузить дрова, брать воду, менять паровозы. Но ему редко приходилось повышать голос: местные коммунисты, комиссары своими силами наводили порядок и стремились обеспечивать беспрепятственное движение поезда специального назначения.

Под утро Ленин заставил себя уснуть, а пробудившись, после чая и доклада Бонч-Бруевича вновь принялся за статью. Иногда он подходил к окну, приоткрывал штору и видел снежные пустыни, заметенные снегом соломенные крыши деревень, разбитые и проржавевшие в тупиках и на разъездах паровозы и вагоны, мертвые депо и цехи. Казалось, поезд шел по вымершей земле.

Миновали Тверь. Старый машинист Батуров хотел было снять форменную фуражку, чтобы перекреститься, воздать хвалу богу — пронесло, проехали, — но так и не снял. Ленин-то в бога не верит, Ленин верит в него, в Батурова, в кочегара, в латышских стрелков, верит в народ.

Машинист внимательно всматривался в снежную даль, прорезанную чернотой рельсового пути. Смотреть! Смотреть! Ведь кто-то недавно затащил на рельсы дровни и бросил их. Быть бы беде, да увидел вовремя. Ненадолго отрываясь от окна, машинист поглядывал на манометр и водомерное стекло, освещенное копилкой, и командовал кочегару:

— Подкинь... Качни...

Кочегар или помощник машиниста посменно бросали с силой в топку метровые поленья, пускали инжектор и слушали, как заводил он свою тягучую песню.

Под стук колес Ленин писал программную статью.

— Пора, Владимир Ильич, — слышался голос Бонч-Бруевича. — Москва.

Опять нужно было собирать недописанные страницы и готовиться к выходу из вагона.

В темноте, миновав неосвещенные входные стрелки, гулко дохнув клубами пара, литерный 4001 остановился под шатром московского вокзала.

Из вагонов вышли народные комиссары, показался Ленин. Проходя мимо паровоза, он поднял голову и поблагодарил всех, кто стоял на площадке паровоза: «Спасибо, товарищи!». А его уже окружили встречавшие москвичи, и тут же, на ходу, началась деловая беседа о трудном положении в новой столице и на фронтах. С Надеждой Константиновной Ленин поехал в гостиницу «Националь». «Националь» был превращен в первый Дом Советов, в штаб.

Пока ехали по темной заснеженной Москве, Ленин внимательно смотрел по сторонам: какова Москва сегодня? Как она выглядит? Как живет? То, что охватывал взор, могло лишь огорчать и тревожить. По промерзшей Мясницкой полз грузовой трамвай с дровами. На них сидели беспризорники. У закрытых на ночь магазинов стояли мрачные, молчаливые очереди. На перекрестках пылали костры патрульных отрядов.

Миновали Лубянку, замерзший фонтан на ней и стали спускаться под гору. Шофер тормозил, чтобы не понесло машину по обледенелой дороге. Ленин обратил внимание Надежды Константиновны на смутно видневшийся в мартовских сумерках Большой театр и грустно вздохнул. Он любил театр и мечтал о нем, но подумал: в Большом театре, в центре Москвы, вблизи Кремля, и нужно проводить съезд Советов, — лучшего места в столице не найти.

Автомобиль уже был в Охотном ряду. В темных от гари и копти сугробах тонули магазинчики и ларьки, облепленные старыми вывесками и рекламами. Справа лежала узкая, горбатая и темная Тверская. На ее углу высилось все в архитектурных виньетках здание гостиницы «Националь». И здесь, как и в Смольном, стоял у входа патруль, темнели расчехленные пулеметы. В вестибюле тоже толпились солдаты и матросы, ходоки из деревень, чиновники. Все чадили махоркой и так громко разговаривали, что стоял сплошной гул. С руководителями МК и Моссовета Ленин поднялся на третий этаж и шагнул в номер 107/9.

Не давая себе передышки, Ленин сразу приступил к работе: ему и встречавшим его товарищам крайне важно было сейчас же, без промедления обсудить неотложные вопросы. Ничего радостного — только трудности и горе. Нехватка хлеба, дров и патронов. К тому же саботаж чиновников. Стреляют из-за угла. Разруха... А как настроение у рабочих и солдат? С кем студенты? Интеллигенция? Как

охраняются ценности в Кремле? В каком состоянии золотой и алмазный фонды? Какова цель приезда в Москву посланца президента США Вудро Вильсона? Кто обучает бойцов Красной гвардии? Вопросы, вопросы, вопросы...

Беседа затянулась. Ленин с беспокойством посмотрел на часы: успеет ли он дописать статью для выходящего утром номера газеты?

Товарищи вышли из комнаты, и Ленин принялся дописывать статью. Он перечитывал ее, вносил правку и уточнения; наконец, поставил точку и, передав рукопись редакционному курьеру, скрестил на груди руки. Он быстро разжал их и вцепился пальцами в жилет. Да! Минуточку... Ленин позвонил в редакцию: статью он отправил, просил повнимательнее вычитать корректуру и в случае чего обязательно позвонить ему.

— А где же товарищи? — закончив разговор с редакцией, спросил Владимир Ильич Надежду Константиновну. — Зови, зови всех — масса важнейших, интереснейших и неотложнейших вопросов!

Вновь стало шумно и тесно в небольшом двухкомнатном номере. Бурно заговорили о Брестском мире и предстоявшем съезде Советов, о нехватке хлеба и состоянии памятников старины. В разгар беседы выяснилась курьезная история. Оказывается, Москва с губернией обзавелись своим Совнаркомом, и настолько солидным, что в нем есть свой комиссар иностранных дел. Ленин весело всплеснул руками и захохотал.

— Это же явная нелепость, — принялся вышучивать он инициаторов создания «удельного княжества». — Скорее, как можно скорее нужно ликвидировать эту нелепость!

После бурных разговоров Ленин проводил товарищей, позвонил по телефону в типографию. Дежурный редактор, волнуясь, глотая слова, сказал: статья замечательная, наборщики собираются, обсуждают и очень одобряют. При этом дежурный редактор сообщил: после утреннего выпуска обязательно должен быть дополнительный, специальный, чтобы как можно больше людей прочитали статью-программу.

Дав отбой и повесив трубку, Ленин, возбужденный переездом, беседами, статьей, не мог еще успокоиться. А нужно было думать о плане завтрашнего дня — первого дня жизни и работы в новой столице. Прежде всего осмотр Москвы. Как она выглядит после баррикадных боев? Где нужно в первую очередь снести лачуги, бараки и казармы для рабочих? Как перепланировать центр?

После осмотра Москвы — в Кремль! В каком он состоянии после схваток с юнкерами? Необходимо срочно и как можно точнее выяснить, где и как будут размещены правительственные учреждения. После Кремля — выступление в Моссовете, затем встреча с военачальниками, и, наконец, нужно хорошо продумать беседу с американским полковником Р. Робинсом, прибывшим в Москву вручить обращение

от имени президента США Вудро Вильсона. Что это за обращение? Кто такой Робинс? Не кроется ли за всем этим коварная уловка, не желает ли президент США под личиной миротворца сорвать мирный договор с Германией и натравить нас продолжить войну?

...Ленин выключил лампочку и лег спать.

Проснулся он от яркого света: утро 12 марта выдалось на редкость солнечным, теплым и порадовало звонком из редакции: успех статьи огромный, ее читают и перечитывают, обсуждают, в редакцию звонят с заводов и фабрик; стихийно возникают митинги, поддерживают ленинскую статью-программу. Тут же появился и курьер из «Известий». Вручая Владимиру Ильичу свежий, пахнущий типографской краской номер газеты, он с гордостью сказал:

— Рабочие типографии очень довольны, и я доволен, — слава богу, наконец-то все прояснилось, жить и бороться, сражаться за коммунизм охота. Вот так, товарищ Ленин. Спасибо вам, и мы желаем вам доброго здравья. На нас можете положиться.

Ленин поблагодарил курьера, быстро прочитал газету и с облегчением вздохнул: все напечатано правильно.

В это время позвонили из Московского комитета партии: статью обсуждают на заводах, в казармах, идут митинги и собрания, везде беснуются меньшевики и эсеры — крепкий получили они удар.

Повесив трубку, Ленин продолжил разговор с Надеждой Константиновной.

— Сейчас мы, — сказал он, весело улыбнувшись, — поедем с Владимиром Дмитриевичем осматривать Москву, а затем в Кремль.

Вышли из «Националя» в весну, в разлив тепла и света. Все таяло, звонко пела капель. Ленин прищурился, посмотрел на небо и сел в машину. Он находился в прекрасном настроении, шутил, вспоминал, как приезжал в разные годы в Москву, и размышлял, какой она будет прекрасной, новая, советская Москва!

Осматривая город, Ленин мысленно представлял себе Москву будущего. С чего нужно начинать переустройство ее окраин, да так, чтобы в новой столице их не было, чтобы все районы доставляли радость москвичам? Думалось и о создании творений монументального искусства, чтобы на площадях и улицах поднялись памятники и скульптурные группы в честь выдающихся борцов за народное счастье.

Примерно в полдень машина круто повернула в Кремль и вошла в Троицкие ворота.

— Вот он, Кремль! Как давно я не видел его! — в задумчивости, тихо произнес Ленин.

Весеннее солнце заливало ярким светом золотые главы соборов, и все в Кремле выглядело бы празднично, не будь бесконечных следов битв с юнкерами. Вознесенский монастырь, постройки Чудова монастыря, одна из кремлевских башен стояли в ранах от артиллерий-

ского огня. У стен, на площади, в углах и закоулках чернела непролазная грязь, в которой тонули пуки соломы и сена, конский навоз и рогажи, а над ними высились брошенные пушки, обломки фур и телег. Видя такое запустение, Ленин отдал распоряжение очистить Кремль от мусора и хлама, навести в нем образцовые чистоту и порядок.

Затем Владимир Ильич занялся осмотром зданий, в которых должны разместиться правительственные учреждения, выяснял, насколько удобно будут расположены наиболее важные оперативные отделы и как будут они обеспечены надежной связью со всей Москвой и страной. Новый поток вопросов: сохранились ли сокровища дворцов, Грановитой и Оружейной палат? Кто и как охраняет их? Очень обрадовался, узнав, что все драгоценности целы, и приказал немедленно усилить охрану.

Поразительно неугомонному, выносливому коренастому человеку важно было все видеть самому и самому все знать. Его уговаривали не подниматься на кремлевскую стену, но он поднялся и не спеша прошел по ней, да к тому же не один раз, а дважды. Он останавливался около башен и расспрашивал об их состоянии, выяснял, что необходимо сделать для реставрации, и тут же отдавал точные и ясные распоряжения о сохранении исторической крепости.

Закинув за спину руки, Ленин остановился и в задумчивости долго смотрел на замерзшую Москву-реку и на почерневшие от дымов и копоти строения Замоскворечья. Потом долго смотрел на занесенный снегами Пашков дом и, судя по его вопросам, думал о создании в нем огромной библиотеки — для всей страны. Двойной марш по зубчатой стене, возможно, нужен был Ленину, чтобы собраться с мыслями, подумать о предстоящем выступлении в Моссовете — о первом выступлении в Москве как главы правительства.

Остановившись около Спасской башни и вскинув голову, Ленин посмотрел на золотой царский орел, венчавший башню, на огромные бездействовавшие часы и спросил, почему молчат куранты. Почему стоят часы? Что нужно сделать, чтобы они пришли в движение?

Слушая ответы Бонч-Бруевича и только что назначенного комендантом Кремля Малькова, Ленин распорядился:

— Немедленно поднять над Кремлем красное знамя революции.

Ленин заехал в Дом Советов — в «Националь», — а затем направился в Моссовет.

Он вошел в зал, полный сил и энергии, напористый, крепкий, ошеломив всех своей простой и откровенной речью. Он не строил никаких иллюзий, не прибегал к громким словам — говорил только правду, горькую, обнаженную, ранящую сердца правду. Зал вмиг убедился: Ленину ведомо все — и ужасающее положение на фронте, и развал промышленности, и нехватка хлеба, патронов, дров, угля, оружия, активизация вражеского подполья, и панические настроения

среди служилого люда и части интеллигенции, — он знал все. Зато как засветились его глаза, как расцвело в улыбке лицо и в порыве взметнулась рука, когда, чуть картавя и громко, так, чтобы слышно было каждое слово, сказал: в глубине народных масс идет процесс социализации, накопления энергии, дисциплины, который даст нам твердость вынести все удары.

И тут вспыхнули такие аплодисменты, что их не могли заглушить даже громовые крики «ура». Люди распрямляли плечи, поднимались, тянулись к Ленину. А он, вождь, простой и скромный, стоял в окружении депутатов и отвечал на их вопросы, давал советы, и от него словно излучались тепло, и свет, и сила.

Было уже совсем темно, когда Ленин, взволнованный выступлением, вернулся в «Националь». У входа, как и в Смольном, стояли патрули. В нижнем вестибюле толпились солдаты в потертых фронтовых шинелях и матросы в черных бушлатах. В лицо пахло махоркой, дегтем от сапог и ружейным маслом. Здороваясь с солдатами, матросами и ходоками, Ленин поднялся в свой 107/9 номер. Его ждали члены ЦК и МК, делегации от рабочих, кипы фронтовых телеграмм и писем...

Было совсем поздно, когда опустел гостиничный номер, и Ленин, устало посмотрев на Надежду Константиновну, мягко успокаивая ее, сказал:

— Отдыхай, отдыхай, а я еще немного займусь. Все будет хорошо.

Ленин посмотрел на часы, пожал плечами и усмехнулся: неужели прошли уже сутки с того часа, когда литерный 4001 вошел под шатер московского вокзала?

ПОЛИГОН

В белой рубашке, чесучовом пиджаке и таких же брюках, с развевающейся на степном ветру темной бородой, Курчатов выделялся на полигоне среди военных своим подчеркнуто «гражданским» видом. Ему были подчинены войсковые части, научные лаборатории, институты и конструкторские бюро, все называли его «генералом», но он старался показать своим внешним видом вынужденность намеченной военной операции.

До взрыва первой атомной бомбы оставалось мало времени, и Курчатов в сопровождении «свиты» старался побыстрее обходить квадрат за квадратом основные участки раскаленного августовским солнцем атомного полигона. Шагая по горячей земле, он нет-нет да и поглядывал на металлическую башню высотой с десятиэтажный дом. Башня словно царила над степью, где все было тайной.

Увенчанная атомной бомбой, она как бы дирижировала всем на полигоне: и армейскими подразделениями, и лабораториями, и водителями танков и грузовиков. Башню окружали специально возведенные каменные и деревянные строения, артиллерийские орудия и танки, самолеты и железнодорожные вагоны. И башня и все, что было возведено вокруг нее, предназначались для уничтожения от атомного взрыва. Для определения его силы на земле разместились регистрирующие приборы, на сотни и на тысячи километров удаленные от башни.

Приблизившись к башне, Курчатов вскинул голову и посмотрел на верхнюю площадку, где трудился в те минуты «хозяин башни» Кирилл Иванович Щелкин. Вместе со своим помощником Георгием Павловичем он ведал подрывной аппаратурой. На минуту задумавшись — тревожить ли ему еще раз Щелкина, — Курчатов поднялся на башню.

Увидев его, Щелкин не удивился и не обиделся; он знал, насколько тщательно проверяет Игорь Васильевич всех и все, и деловито доложил ему:

— Все идет как положено. От графика отклонений нет. Правда, тут вот пришлось подчистить контакт реле. — Щелкин показал Курчатову, что пришлось ему сделать.

Слушая Щелкина, Курчатов обратил внимание на натруженные руки человека, который держал «ключи от бомбы»: это были рабочие руки ученого, хорошо знавшие металл и инструмент. Скоро они подключат детонаторы, и, когда все будет сделано, Щелкин последним уйдет с башни.

Курчатов оценил и внешнее спокойствие Щелкина, и его деловитость, и то, что Кирилл Иванович не обиделся на него, — опять проверяет, не дает покоя... Щелкин принял контрольный визит как должное, и это успокоило Курчатова.

Перед тем как уйти с башни, Курчатов остановился на ее вершине и посмотрел на территорию, отведенную под испытания атомной бомбы. По всему полигону, словно перед сражением, вздымая тучи пыли, двигались машины, шли солдаты, саперы рыли окопы, танкисты устанавливали на выбранных позициях танки.

На мгновение Курчатов представил себе гигантский огненный гриб, который взметнется на месте башни, на вершине которой он сейчас стоит, и неистовая сила взрыва разметет и танки, и пушки, повалит железнодорожные вагоны, испепелит дома. Невидимая радиация умертвит все живое. Отогнав мрачные картины, нарисованные воображением, Курчатов посмотрел на часы.

— Время! Время! — воскликнул он. — Пошли дальше.

Когда спустились с башни, Игорь Васильевич, хитро улыбнувшись, сказал с некоторой укоризной:

— А вот один важный объект мы с вами едва не пропустили.

Ускорив шаг, Курчатов направился к «кинохате». Открыв ее дощатую дверь, весело крикнул:

— Физкульт-привет!

На топчане сидел, поджав под себя ноги и засунув по локоть руки в черный перезарядный мешок, озабоченный Ратиков. Увидев в дверях председателя Государственной комиссии, он заволновался и явно нарочито громко провозгласил:

— Здравствуйте, Игорь Васильевич! Добро пожаловать.— Ратиков глазами показал гостю, куда ему можно сесть — на кофр, ящик изпод съёмочной аппаратуры.

Игорь Васильевич снял белую кепку, вытер платком лоб и сел на ящик.

— Как дела? — спросил он Ратикова.

— Все в норме, только вот бы погоду заказать получше.

— Вам и погоду подай на голубом блюдецке с золотой каемочкой, — отшутился Курчатов. — Как с пленкой? Есть?

Из-за фанерной перегородки вышли Афанасин и Шубов, они приветствовали Курчатова и сразу же заговорили о своих делах:

— Наши мудрецы из главка не знают, что тут мы снимаем, и все урезают, протестуют: и пленки-то мы много выписываем, и все требуем ее высшего качества, и не думая срезают метраж. Спасибо, вы, Игорь Васильевич, вмешались, теперь пленки навалом.

— Ну, ладно. Хорошо, что хорошо.— Курчатов обвел глазами «кинохату» и собравшихся в ней кинематографистов.— А кто доложит о готовности? — В стиле Курчатова было спрашивать не руководителя работы, а рядовых исполнителей, желая тем самым узнать, насколько точно все они представляют себе поставленную задачу.

Ратиков вытащил руки из перезарядного мешка и принялся рассказывать, какие выбраны «точки» и кто будет с них снимать. При этом оператор не упустил случая побранить погоду — вот ветер усилился, тучи ползут — и посетовал на то, что взрыв назначен на ночное время, когда темно, а для кино нужен свет.

— Будет тебе свет, будет...— горько усмехнувшись, заметил Курчатов.— Не ослепни только и пленку не засвети.

Курчатов заметил разложенные на столе фотоснимки, опубликованные в журналах и газетах. На них был запечатлен взрыв первой американской атомной бомбы в горах Аламогордо. Перехватив взгляд Курчатова, оператор пояснил:

— Смотрим, как они тогда снимали: опыт...

— Опыт, опыт... — тяжело вздохнул Курчатов.— Аламогордо... Потом Хиросима... Нагасаки...

Курчатов подержал в руках снимки взрыва первой американской атомной бомбы на тридцатиметровой стальной башне и задумался.

В который раз одолевали его горькие мысли о вероломстве бывших союзников по совместной борьбе с фашистской Германией: тайно, скрывая свои атомные планы, окутав Манхэттенский проект создания сверхсекретного оружия завесой стражайшей конспирации, американские генералы готовили бомбу сокрушительной силы. Готовили ее в расчете на утверждение своего превосходства в послевоенном мире. Даже испытание своей первой атомной бомбы приурочили к моменту переговоров в Потсдаме. Сразу после победы над фашизмом вчерашний союзник готовился развязать «холодную войну» против Страны Советов.

Курчатов молчал, и все молчали в «кинохате». Нельзя было не думать, как в наитруднейшую для нас пору за океаном, в сытой, не знавшей ужасов сражений на своей территории стране создавалось в полной тайне от нас атомное оружие. Заокеанские политики и генералы тешили себя мыслью, что они заставят советский народ встать на колени, подчинят его своему диктату. Они уверовали в прогнозы своих советологов: Советская страна обескровлена войной, невероятно велики ее жертвы, наука и техника в СССР будто бы находятся на таком низком уровне, что не в силах создать свою, советскую атомную бомбу. Ни генералу Гровсу, руководившему созданием американской атомной бомбы, ни самому президенту Трумэну не приходило в голову: а вдруг русские создадут бомбу?

Она уже находилась на вершине башни, и Щелкин готовил ее к завершению эксперимента.

Курчатов отложил снимки, посмотрел на кинооператоров и, подумав, сказал:

— Вот что, ребятки, побольше снимайте деталей, — все будет иметь большую ценность как для науки, так и для обороны. И, конечно, нужны общие планы, чтобы была видна панорама взрыва. Поняли? — Курчатов в задумчивости погладил бороду, усмехнулся и продолжил уже другим тоном: — Имейте в виду, хлопцы, что бомбу мы сделали вынужденно, а вот атомную электрическую станцию сделаем с радостью: для народов, для будущего. Взорвем бомбу, а потом приглашаю вас на съемки первой атомной электрической. Особый это будет праздник.

— Спасибо, спасибо за приглашение! Обязательно будем снимать, — воскликнул Афанасин.

Его перебил Ратиков:

— Игорь Васильевич, а из-за погоды не может измениться срок?

— Нет! — твердо сказал Курчатов.

— Прошу прощения, Игорь Васильевич, но вот, знаете, нескромный вопрос... — растягивая слова, чтобы собраться с мыслями, заговорил Шубин. — Дело в том, что тут, так сказать, все впервые, а в науке и технике когда впервые, то...

— Да не тужи ты! Вопрос ясен. — Курчатов усмехнулся. — В новом

деле, конечно, возможны, как говорят, варианты и неожиданности: взрыв, может, и не удастся. Да, может быть такое. По этому поводу я дал указание экстренно подготовить второй экземпляр. Но и в этом случае ваше дело снимать! Взрыв может произойти уменьшенной силы, — снимайте! Если произойдет нерасчетное — взрыв окажется сильнее, — снимайте. Что бы ни происходило — крутите ручку. Все будет, конечно, так, как намечено. Но тем не менее мы должны быть готовы ко всему. А теперь покажите мне ваши «точки».

Курчатов взял лист ватмана с обозначением мест, где будут снимать операторы, и, слушая их объяснения, водил кончиком карандаша по бумаге.

— Ну, а как, молодцы-храбрецы, вы морально подготовились? — полушутя-полусерьезно спросил Курчатов. — Мы вам доверяем свою работу: по экрану будут судить о взрыве и его результатах.

— Все будет в порядке! — заверил Ратиков.

— Пока! — Курчатов направился к двери. За ним тотчас увязался Ратиков, — он уже успел перезарядить камеру и с запасными кассетами в кофре бросился снимать «Бороду» — так в целях конспирации звали на полигоне Игоря Васильевича Курчатова. Тот закрыл лицо и сердито заметил:

— Пленку оставь для дела.

— Игорь Васильевич! — взмолился оператор. — Не для себя прошу, для истории.

Курчатов недовольно махнул рукой и больше не обращал внимания на кинокамеру. Это позволило оператору видеть через визир своей камеры председателя Государственной комиссии то озабоченным, то улыбающимся, то грозным, то насмешливым и даже нежным. Вот он сел в машину и поехал к мощному танку. Около бронированной громадины его встретил конструктор танка Духов. Оператор снял момент, когда Курчатов подошел к Духову, улыбнулся ему, крепко пожал руку, и оба они стали наблюдать за тем, как танкисты устанавливали стальную машину на отведенной для нее площадке.

— Сдюжит? — сверкнув глазами, спросил Курчатов Духова. — Очень уж у тебя здорова машина, а я думаю, и ее перевернет вверх тормашками.

Духов неопределенно пожал плечами: дескать, всякое может случиться, но вряд ли.

Курчатов посмотрел на часы, сел в «газик» и направился в отдаленный квадрат; оператор — за ним. И тогда не на шутку рассердился Курчатов:

— Хватит! Другой работы нет? Заданий не знаешь? Кати-ка ты, братец, до дому, до своей хаты. И погода портится... — Курчатов изменил тон. — Что-то тучи набегают, ветер крепчает. Смотрите, учтите плохую погоду.

Перед общим сигналом — всем занять рабочие места, уйти в укрытия — кинооператоры на своем «газике» помчались по степу полигону — снять с движения безлюдное, словно затаившееся пространство с пустыми домами, безлюдной железнодорожной станцией, онемевшими танками и самолетом. До атомной бомбы они снимали запуски ракет, артиллерийские стрельбы, ходовые испытания подводных лодок — словом, повидали всякое. Но никогда и нигде не открывалась их взору столь мрачная картина, как на атомном полигоне. Трудно было подавить в себе чувство тревоги, предчувствие чего-то страшного и небывалого. А тут еще небо заволочло тучами, подул резкий степной ветер, черная даль пригрозила ливнем и бурей.

Закончив объезд, операторы направились на свои «точки». Курчатов занял место в железобетонном КП и занялся сводкой погоды. В степной дали лил дождь, свирепела буря. К вечеру ветер окреп. Над полигоном собрались грозовые тучи, стали проскакивать молнии, все теснее стягиваясь, словно к центру, к тридцатиметровой стальной башне. Курчатов посмотрел на пляшущие вокруг башни молнии и заметил: под ударами ветра башня стала чуть покачиваться.

Буря с молниями обеспокоила Курчатова. В своем чесучовом костюме он хотя и выделялся среди военных, но на командном пункте выглядел настоящим полководцем, решительным и смелым, взявшим на себя всю полноту ответственности за испытания. Он позвонил начальнику полигона, и генерал услышал мягкий баритон ученого:

— Погода не радует... Я говорил с метеослужбой: ближе к семи они ждут просвет. Как думаете, генерал, если произвести взрыв на часик раньше? Подумайте. Сколько времени надо на размышления?

- Полчаса, — сказал генерал.
- Доложите о своем решении.

Курчатов посмотрел на офицеров и научных работников, собравшихся на КП. Все они прислушивались к каждому его слову, ловили каждое его движение — он был для них признанным руководителем, непрекаемым авторитетом.

Через полчаса генерал доложил, что взрыв переносится на час раньше намеченного времени. Курчатов тотчас написал письменное распоряжение: произвести взрыв в 7.00 утра 29 августа 1949 года.

Решительно поставив точку, Курчатов распорядился:

— Срочно известите операторов, что мы пойдем им навстречу. Хотели они получить погоду получше — вот ради них и перенесли время.

Над башней клубились тучи. Цепочкой взбегавшие к ее вершине электрические лампочки то и дело затягивало дождевой хмарью.

Курчатов посмотрел на стереотрубу на башню и нахмурился. Против воли начался нервный озноб. Нужно было взять себя в руки, успокоиться, не выдавать волнения. В силу исторической необходимости он, Курчатов, стал на новом рубеже жизни и смерти, и, как бы ни

свирепела природа, посылая громы, молнии и ветры, он должен выполнить задуманное, осуществить небывалое.

Щелкин установил со своим помощником Георгием Павловичем на бомбе несколько десятков капсулей-детонаторов. Отверстия для взрывателей были закрыты заглушками; Георгий Павлович снимал их, а Кирилл Иванович брал из коробки капсуль-детонатор, вставлял его в бомбу. Работали оба молча, понимая меру опасности и ответственности.

Закончив работу, осмотрев капсули, Щелкин и Георгий Павлович молча спустились с башни на землю и, торопя шаг, поспешили на КП.

В шесть часов утра на наблюдательном пункте собрался генералитет, теоретики и экспериментаторы, ответственные каждый за свою часть проекта сотрудники Курчатова. На КП находились Курчатов с членами правительственной комиссии и несколькими своими сотрудниками. Игорь Васильевич расписался в папке об исполнении эксперимента, достал из нагрудного кармана ключ, вставил его в скважину бронированной крышки, которая тотчас же откинулась. На пульте вспыхнула красная лампочка, означавшая: включен автомат инициирования взрыва и синхронного пуска регистрирующей аппаратуры. Метроном начал отсчет времени.

Курчатов надел темные очки. Теперь он смотрел на башню и на стрелки: когда большая и секундная сойдутся на цифре «12» — содрогнется земля... Лицо Курчатова словно окаменело. Глаза его стали жесткими и суровыми. Вот и пришла минута, к которой он готовился так страстно и упорно, минута, от которой зависит покой Державы.

Ослепительная вспышка залила жгучим светом землю и темное небо. Тысячи молний, сплетенные воедино, тысячи громов, слитые вместе, вряд ли смогли бы соперничать с всплеском атомного огня, с грохотом, обрушившимся на полигон. Огненный шар, подобно второму Солнцу, сорвал темь, оголил мрачные дали. Вскоре он превратился в грибовидное огненное облако, поверху срезанное густой тучей. Земля конвульсивно вздрогнула. Началось землетрясение. За слепящим светом хлынула неистовая воздушная волна.

На железобетонном КП задрожали стойки, под потолком нервно закачалась лампочка. Стало душно и жарко.

Курчатов побледнел. Он, несший все эти годы тяжкий груз непомерной ответственности и риска, не щадивший себя, внезапно сник — на мгновение сдали нервы. Но тотчас он взял себя в руки и стал прежним волевым, деятельным, энергичным Курчатовым.

После взрыва бомбы ученые и офицеры, бывшие на КП, бросились к Курчатову. Они обнимали его, кричали «ура». Повеселевший Курчатов, показывая то на одного, то на другого ученого, кричал:

— Он! Это и он... И он... И ты... Победа общая. — И тотчас Курчатов

принялся всех благодарить за работу, пожимал руки ученым и офицерам, всем улыбался, не скрывал, как он счастлив.

Кто-то крикнул:

— Будто гигантская молния!..

Курчатов подхватил:

— Это и есть атомная молния. Теперь она у нас в руках.— Курчатов помолчал, обвел глазами всех, кто был на КП, и сказал очень серьезно: — Теперь у нас есть атомный щит.— И снова замолчал. Он понимал: в минуты наивысшего напряжения от него ждут не только благодарностей и похвал.

Подняв руку, призывая к тишине, Курчатов заявил:

— Друзья мои, мы выполнили свой долг перед Родиной. Нас недруги принудили создать это страшное оружие. Они поверили в монополию своей бомбы. Они не допускали и мысли, что мы сможем тоже создать свое атомное оружие. Ошиблись! Так будет всегда: что бы ни придумывали враги Отечества, мы тоже сможем создавать для защиты Родины новое оружие. Порукой тому — талант и воля народа, наш социалистический строй.

— Ура! — закричали ученые и офицеры.

Озорно посмотрев на представителей службы безопасности полигона, Курчатов неожиданно предложил:

— Не терпится, ведь не терпится? Не пора ли нам посмотреть на все своими глазами?!

Офицер, представлявший службу безопасности, решительно запротестовал:

— Рано... Там заражение...

В ту пору еще не было полного представления о «невидимой смерти», о грозной и беспощадной лучевой опасности, и ученые, охваченные общим азартным желанием поскорее увидеть результаты своей «работы», немного выждав, устремились за Курчатовым.

Торопливо заняв место в машине, Курчатов открыл окно и посмотрел на груды развалин. От металлической башни, на которой находилась бомба, не осталось и следа, она будто испарилась. Там, где были возведены каменные и деревянные дома, чернели руины; ветер свистел в искореженных балках и сплетениях рельсов. Взрывная волна, сметая все на своем пути, перевернула танки и пушки, сбросила самолет. Даже сверхмощный танк Духова оказался перевернутым.

До эпицентра — места, где стояла башня, — было еще далеко, но ехать туда категорически запретил Курчатов. Вдруг он заметил впереди кинооператоров.

— Кто разрешил? — вскипел Курчатов. — Кто позволил? — Но махнул рукой и горько пошутил: — Ничего себе у них профессия, не соскучишься. На науку работают...— Подумав, Курчатов приказал сопровождавшему офицеру немедленно прекратить съемки и операторов отправить на контроль.

Объезд полигона разволновал Курчатова, потряс его последствиями атомной бури. Он пережил войну, под огнем врага занимался в горевшем Севастополе размагничиванием боевых кораблей, видел пожары на судах, взрывы пороховых погребов, но ничего более страшного, чем атомный взрыв и вызванные им опустошения, не наблюдал никогда. Закончив поездку, Курчатов доложил в Москву, в ЦК партии и Советскому правительству о выполнении задания, о первых наблюдениях и первых выводах после взрыва. Потом полшутя-полусерьезно потребовал от «свиты», чтобы все отправились с ним вместе в специально оборудованный пункт — «искать рентгены». И первым направился к выходу.

— Прибыли в ваше распоряжение... — посмеиваясь и шутя, представился Курчатов дозиметристу. — Проверьте-ка голубчиков на радиоактивное заражение...

Бодрость и веселое настроение вернулись к Игорю Васильевичу, когда приборы просигнализировали: все в порядке, есть, конечно, «загрязнение», но не в опасной дозе. Однако начальник контрольного пункта встревожился и приказал:

— Согласно приказу, всех, кто прибыл с полигона, прошу в баню.

— Это верно: порядок есть порядок! — согласился Курчатов и первым пошел за шайкой и березовым веником.

Его внимание привлек шум в приемном покое — привезли с полигона протестующих, рассыпавших крутые ругательства кинооператоров. Они требовали немедленного освобождения для завершения съемок, доказывали, что сам Курчатов приказал снимать последствия «работы», и они должны выполнить приказ «Бороды», должны доснять «работу». Они осеклись, когда увидели Курчатова со своей «свитой»: подхватив веник и шайку, он шел в парную.

— С легким паром, Игорь Васильевич! — гаркнул Ратиков. — С победой!

— С победой, Игорь Васильевич! — прокричали все операторы и их ассистенты.

— С легким, с легким... Поздравляю вас, бесенята. — Курчатов скрыл добрую улыбку в бороде. — Как же это вы без разрешения и махнули первыми чуть не в эпицентр?

— Искусство требует жертв... — улыбаясь, твердо сказал Шубов.

— Теперь можно и помыться... — переходя к шутивому тону, заметил Курчатов. — По-русски, с веничком, в парной. Отец мой, на Урале, в Симе, меня мальчишкой в парную брал. А вокруг Сима — тайга...

Пошутив, Курчатов подумал о главном: американские самолеты радиационной разведки наверняка уже доставили пробы воздуха с «осколками» взрыва, и генерал Гровс смотрит на анализы и не верит глазам своим. Ведь он, генерал Гровс, заверил президента и конгресс:

русские беспомощны и свою бомбу в лучшем случае создадут через двадцать лет.

— Пусть паникуют... Может, отрезвятся? — Курчатов заулыбался, подхватил пахнувший лесом веник и вошел в клубы теплого пара. Вскоре из банных облаков донесся его мягкий баритон:

— Эх, други мои, хорошо бы вот в этом составе, как сейчас, собраться нам на первой атомной электрической станции. А она будет. Теперь обязательно будет! И съесть бы нам на станции первую в мире яичницу, приготовленную на атомном огне. Как? Предложение принимается?

— Принимается, Игорь Васильевич, принимается! — дружно откликнулись операторы.

РИСК

Засучив рукава поношенной толстовки, Туполев посмотрел на ручные часы, громко гмыкнул и удивленно пожал плечами — неужели так поздно? Негромко, придавая словам душевную заботливость, Туполев произнес:

— Давайте-ка, ребятки, по домам. Время уже позднее. Завтра начнем пораньше.

Слова Туполева были обращены к инженерам, механикам и мотористам, окружившим новый металлический самолет.

На аэродроме стемнело, густые тени легли от ангаров на стоянку самолетов. Появился лохматый ночной сторож в армяке, с рыжей собакой — верный признак наступления позднего часа.

К Туполеву подошел одетый в тщательно подогнанную форму, блестя начищенными мягкими сапогами, стройный и высокий красавец Громов.

— Разрешите отбыть? — щелкнув каблуками и легко взметнув к шлему твердую ладонь, отчеканил пилот.

— Ступай, Миша, ступай, — с отеческой интонацией в голосе произнес Туполев. — Нужно отдыхать, Миша, ступай. Ты ведь, кажется, рядом живешь, на Беговой? И все ступайте! А то на последний трамвай опоздаете.

— А вы? — заботливо спросил у Туполева Озеров.

— Идите, идите, голубчики! — уже резковато, с нотками неудовольствия сказал Туполев. — Я отдохну. С Полканом, с собачкой, побеседую. А всем — спать. Спать! И тебе, Сашенька, спать. — Туполев обратился к высокому, словно высохшему Архангельскому. — Ты поезжай, Сашенька, и позвони Юленьке, чтобы не беспокоилась, не ждала. И попроси Юленьку: завтра, по моему звонку, приехала бы она с детишками ко мне, сюда. Хочу показать машину.

Острое лицо Архангельского вытянулось, стало еще острее.

— Ты чего, Андрей? Никогда не показывал, а тут... Сам же говоришь: ни начальству, ни дуракам, ни умным, ни тем более близким полдела не показывают.

На широком, мясистом лице Туполева заиграла хитрая улыбка.

— Поезжай, поезжай, Сашенька. Возьми с собой кто к тебе поближе живет и с богом, голубчик. С богом. А я тут похожу. Идея есть. Что касасемо семьи, то, голубчик ты мой, когда-нибудь нужно знакомить жену и детей с нашей кухней: пусть знают, что не зря хлеб жуем. Ну, поезжай, трогай, голубчик.

Архангельский, старый друг и приятель Туполева, сощурил глаза. Подумав, кивнул и пошел к своему гоночному автомобилю. Он любил машину, гонял на ней по Москве, одних восхищая, других возмущая своей лихостью. Усадив рядом с собой друзей, посигналив клаксоном, газанул с места и исчез за ангарами.

Все разошлись. На площадке остался одинокий, запеленатый в брезент самолет — металлический пассажирский АНТ. Туполев позвал сторожа:

— Спать — спи, Вася, но дело делай, — сказал он строго. — Никого не пускать. Утром летаем. Понял?

— Как не понять, Николаич, мы понимаем. Намедни тут около него и немцы, и француз, и еще какие тут были — я их как шуганул. Они мне папиросы — кури, будь здоров. А я их в шею: не положено смотреть, раз заказано.

— Это ты правильно, Вася, делаешь, что по шеям: не зовут — не лезь, куда не положено.

К Туполеву подошел пес Полкан. Заискивающе посмотрев на Главного, он осторожно обнюхал его стоптанные ботинки, брюки, полу толстовки. К досаде Полкана едой тут и не пахло. Пес опустил хвост и понуро ушел за ангар.

Думая о своем, Туполев проводил глазами собаку. А думал он о словах сторожа: значит, интересуются иностранные специалисты, те, что прилетают на Центральный аэродром? Значит, их волнует вопрос: выйдет или не получится у Туполева и с пассажирским самолетом? Все не верят, все отрицают, а он вот — стоит, красавец.

Для Туполева первый металлический пассажирский самолет был не просто самолетом, не просто смелой конструкцией, а мечтой о будущем авиации, его планами, его доктриной.

Воспоминания захватили Туполева. Он обошел самолет, остановился около его шасси, постучал по колесу носком ботинка. «М-да... — подумал Туполев. — Вот уверяют: больно тяжел самолет, весь из металла, не полетит. А если и полетит — упадет. Не верят, не верят...»

Горькие морщины пролегли по лицу Туполева. В своей серой толстовке, с которой не разлучался в те годы, в поношенной кепке,

стоптанных башмаках он походил скорее на сельского учителя или врача; трудно было представить, какие бури неистово хлестали в его душе, какие проблемы, касавшиеся страны и всего мира, волновали его сердце.

Размышляя про себя, Туполев направился в гулкий от пустоты деревянный ангар. В его темной глубине едва виднелся биплан, поодаль громоздились ящики, в стороне торчала дощатая перегородка. Склонив на плечо голову, Туполев пошел к биплану, остановился около истребителя. От его шагов под потолком всполошились воробьи, тяжело взмахивая крыльями, улетели черные вороны. Стало тихо, и в наступившей тишине четко раздавались тяжелые шаги Туполева. Он обошел биплан, остановился, потрогал рукой зеленую перкалею обшивку. Деревянная конструкция, туго обтянутая материей, была легка, изящна, явно обладала большой прочностью.

— Хороша птичка, хороша... — проговорил Туполев. — А теперь — все! Отлеталась. Смена идет...

И тут же поймал себя на мысли: отлеталась ли?

Оставив в покое деревянный биплан, Туполев принялся ходить по центру ангара. От его шагов опять встрепенулись воробьи и утихли. Туполев ходил и думал, вспоминал и мечтал, — ему так было необходимо побыть наедине, иметь возможность многое обдумать, посмотреть на самого себя как бы со стороны, попытаться представить себя на месте его противников, или, как он их называл, врагов. Вот ему говорят они: не ходи напролом! Или тебе больше других нужно?

Вышагивая по кругу в центре пустого деревянного ангара, Туполев невольно вспомнил холодный Голубой зал Дома союзов, когда морозным вечером 1922 года в нем собрались ученые, инженеры, различные специалисты обсудить «завиральные идеи Туполева». Все в зале сидели в шинелях, пальто и шубах. В замороженном помещении от дыхания людей поднимались облачка пара. Забравшись в президиум и усевшись за покрытый красным сукном стол, Туполев тоже принялся дышать на посиневшие от стужи пальцы. Чуть отогрев их, старался потуже обвязать тощую шею старым шарфом. До начала «боя», когда ему, Туполеву, многие хотели дать таску, указать на «свое место», он мрачно посматривал в зал, в лица друзей и противников. Вдоль стен Туполев заметил вереницу салазков с привязанными к ним мешками и сумками — в ту пору служащие обычно ходили на заседания и конференции «с тарой», смутно надеясь на счастливую возможность получить без талонов горох или селедку. Все собравшиеся в зале были голодны, измучены стужей и невзгодами тревожного времени, но все же пришли — одни хотели «разнести» вдребезги туполевские планы, другие готовы были встать на его защиту.

Начали атаку, конечно, «деревянщики». Специалисты с крупными именами то иронически, то грубо, то издевательски говорили о заблуждениях Туполева, о его опасном для Родины стремлении свернуть отечественное самолетостроение с испытанного пути на дорогу авантюр.

Позиция «деревянщиков» была ясна: Россия — страна деревянная, в ней найдешь в любом количестве любые сорта дерева, прежде всего те, которые необходимы для строительства самолетов. В России имеется армия замечательных мастеров по дереву. В России накоплен богатейший опыт превращения дерева в чудо — чего стоят, например, рубленные топором Кижи. А вот Туполев, отрицающий неоспоримые преимущества дерева для производства самолетов, маниакально настаивает на своем — на обязательном строительстве металлических самолетов.

Один из седовласых оппонентов, крайне раздраженный, даже поднялся со своего места и ехидно обратился к хмурому Туполеву:

— Скажите, сделайте милость, глубокоуважаемый Андрей Николаевич, есть ли у нас с вами в России легкий и прочный металл для строительства самолетов? — И, не дожидаясь ответа Туполева, сам ответил: — Нет, милостивый государь, Андрей Николаевич, нет такого металла у нас. Нет и тысячу раз нет. Нет и заводов, способных наладить производство дюрала. Нет мастеров. Нет опыта. Нет конструкторов, умеющих создавать металлические аэропланы. И еще, замечу особо, ни во Франции, ни в Англии, ни в Италии нет увлечения металлическими самолетами. Они летают, как вы выражаетесь, на дереве. Альзо, предлагаемая вами, Андрей Николаевич, металлическая авиация, — всего лишь химера, суцая утопия, а проще говоря, обман.

Зал вспыхнул. Послышался гул одобрения и протестов. Кто-то застучал тростью по креслу.

Туполев чуть не грохнул кулаками и, натужно кашляя, хватаясь за грудь, заговорил о бесперспективности деревянной авиации: нельзя рассчитывать и дальше летать «на дереве». Со своими стойками и расчалками, связующими плоскости бипланов, пожирающими скорость и подъемность, со своей хрупкой деревянной конструкцией самолетов современная авиация не обеспечит будущий штурм высот, скоростей и большой грузоподъемности. Путь в будущее — через металлическую авиацию. Только металлические самолеты обеспечат оборону страны, грузовые и пассажирские перевозки.

Профессор, чье мнение было дорого Туполеву, выслушав его выступление, огорченно сказал:

— Вы правы, конечно, в будущем будет действовать металлическая авиация. Но в очень далеком будущем. Вы посмотрите вокруг себя: разруха, голод, одолевают болезни... Если сейчас отказаться от

деревянных самолетов,— это приведет к гибели авиации. Страна лишится крыльев. Избави бог, я не хочу обвинять вас во вредительстве, но, посудите сами, на какой путь вы нас толкаете... Вы правильно ставите задачу, но ее решение — в далеком будущем, когда деревянная Россия станет металлической...

Туполев продолжал ходить по кругу в пустом ангаре. «Дерево, дерево,— говорил он про себя.— Что они так уперлись? Неужели не понимают: нужен революционный скачок, нужны сверхусилия, чтобы создать металлургию, катать дюралевый лист, чтобы... Чтобы, черт подери, не жить в болоте».

Сам Туполев вырос среди лесов в родном Пустомазове, умел валить лес и обдывать стволы, рубить валежник, плести корзины, любил сажать молодые деревья. Лес — это прекрасно. Дерево сыграло свою роль в развитии авиации, и на деревянных самолетах еще будет летать. Но как не понимают специалисты — его противники, что будущее не приходит само, его нужно тащить, приближать!

Спасибо, что тогда, на яростном совещании в Голубом зале, выступил его друг по борьбе за металлическую авиацию Сидорин. Он показал образец дюралья, уже полученного в Кольчугине. И то, как спокойно и академично выступал Сидорин, как уверенно говорил он о будущем дюралья в России, произвело большое впечатление на собравшихся. Собственно, на этом дискуссия и завершилась. Но потом пошли опять новые совещания, хлынули новые письма, опровержения, доносы, анонимки. И все об одном: Туполев ведет страну в тупик, Туполев — одержимый авантюрист...

Пришлось самому Туполеву с Сидориным, Буталовым и другими энтузиастами металлического самолетостроения налаживать в Кольчугине производство «крылатого металла», конструировать прокатный стан для прогонки дюралья, получения нужных профилей. Конструкторы — тот же Архангельский, и Озеров, и Путилов, и Петляков — в общем, все, кто работал с Туполевым, учились обрабатывать металл, делать из него крылья, фюзеляж, хвостовое оперение, короче говоря, весь самолет. Оказалось, это было делом совсем не простым.

Туполев избрал методику: сначала он построил и испытал металлические аэросани, затем повел по Яузе и по Москве-реке металлический глиссер. И вот — металлический пассажирский самолет. А что, если он действительно не полетит? Его, Туполева, уверяют, будто очень уж тяжел самолет — сплошной металл. «Ерунда! Трусы!» — злился Туполев, вспоминая схватки с противниками металлической авиации.

Походив по ангару, Туполев вышел из него и вновь направился к зачехленному АНТу. С ящика поднялся лохматый сторож, вскопил рыжий пес.

— Не спим? — машинально спросил Туполев, хотя видел, что сторож бодрствует. — Есть вопросы?

— Вы бы ехали отдохнуть, Николаич, — хрипло сказал сторож. — Ночь уж. А завтра у нас такое будет...

— Да, такое... — задумчиво произнес Туполев. — Такое, такое...

— Говорят: не полетит, не полетит... — откашлявшись, продолжал сторож. — А я так рассуждаю: коли Туполев сделал, значит, полетит. Да ведь кто полетит? Громов. Орел! Ежели Громов берется — дело будет. Громов ерундой не займется. Он у нас такой — сурьезный. Его весь мир знает. Он до этой, как ее, до Фудзиямы, что ль, летал.

— Летал, летал... — подтвердил Туполев. — Значит, ты считаешь, что если Громов берется, то машина хорошая?

— Так она хорошая потому, что Николаич делал. Ясно? — Сторож захохотал, свистнул собаку и пошел в обход самолетной стоянки.

Сделав несколько шагов, он поспешно вернулся и, заботясь о Туполеве, увещевая его, сказал:

— Домой не поедешь, ясно. Это правильно — командующий при войске должен быть. А твое войско — вот этот АНТ. Но спать надо. Иди в ангар. Там я коечку припас. Поспи.

— Спасибо, брат, спасибо. Значит, говоришь, полетит. — Главный улыбнулся.

— Спать! — с ворчливой фамильярностью, тоном приказа сказал сторож.

Туполев махнул ему рукой и вошел в пустоту ангара. За дощатой перегородкой нашел грубо сколоченный из досок топчан, покрытый лоскутным одеялом. Не раздеваясь, только положив под голову кепку, Туполев, деланно кряхтя и что-то гмыкая, забрался на топчан и растянулся на нем.

В пролете ангара виднелось звездное небо. В ангаре было темно и холодновато. Пахло моторным маслом, с аэродрома доносились запахи свежего сена. Зябко пожившись, Туполев постарался уснуть, но сна не было. Опять мучили мысли о пути в будущее. «Может, не лезть на рожон? Ведь так советуют добрые люди. Тогда все успокоится. Займусь деревянными машинами — на жизнь хватит работы. Вот спокойно-то будет...» От одной этой мысли в Туполеве что-то взорвалось. Он поднялся, сел и посмотрел через пролет на звезды. «Как же я мог подумать такое? — рассвирепел Туполев. — Это что же: за чечевичную похлебку оставить свое, отступить, покориться? Нет, шалишь, голубчик! К черту! Не будет деревянных машин. Докажу. Полетят АНТы из металла. Сам буду лить дюралей, сам буду гнуть и резать дюраль. А полетим, черт бы побрал всех трусов и лентяев».

Побушевав наедине, Туполев успокоился. Он вновь подтвердил для себя принятое им решение. Однако напряженный день и усталость взяли свое — Туполев уснул. Правда, ему показалось, что он так и не спал, но открыл глаза и удивился: светало, за аэродромом громыхали

телеги, в ближайших к Ходынке конюшнях ржали и били копытами ломовые лошади. Задрезжал трамвай. Послышался звук клаксона такси. Главный заторопился, встал, протер глаза, вскочил с топчана и поспешил к самолету. Он был несказанно удивлен и обрадован, увидев расчехленный самолет и около него занятых делом механиков, мотористов и конструкторов. Примчался на красном гоночном автомобиле острый, улыбающийся Архангельский.

— Доброе утро, доброе утро! — приветствовал он всех.

Появился ладно одетый в форму, в блестящих сапогах, выбритый до синевы шеф-пилот Громов. Тотчас механики стали запускать моторы.

Туполев, поприветствовав «команду», подозвал Архангельского.

— Передал? — с видом заговорщика спросил он друга. — Юленька сердится?

— Все в порядке, Андрей. Все в большом и полном порядке, — сияя глазами, скороговоркой произнес Архангельский. — А теперь за работу по плану.

Туполев, проверив, как начались работы, ушел за ангар, нашел там красный пожарный кран, отвинтил его, набрал в пригоршню холодной воды и сполоснул лицо. От студеной воды пробежала приятная дрожь, легче стало дышать и сердцу стало легче.

Не успел Туполев вернуться к самолету, как его потянул в ангар Архангельский. Там был готов легкий завтрак: его прислала с Архангельским Юлия Николаевна, жена Туполева.

— Спасибо, Сашок. Спасибо, — засмутился Туполев. — Я не хочу. И вообще так рано завтракать — вред...

— Человеческий организм, — с комическим видом заговорил Озеров, — это, в сущности, как техническая система, — она требует топлива, смазки и тэда. Мы настаиваем: ешьте завтрак.

Туполев замахал руками, но не стал возражать.

Пошли к самолету. Мгновенно вырос Громов. Картинно отковыряв Туполеву, он доложил о готовности к проведению испытаний. Туполев взял Громова за пряжку, покрутил ее, потом подхватил пилота под руку и пошел с ним подальше от самолета.

— Как, Миша? — спросил Туполев Громова, заглядывая ему в глаза.

— Проверяем подачу. Гоняем поочередно правый и левый, а сейчас все три прогоним. Начнем с рулежки?

— С рулежки, с рулежки, Миша. Только скажи своим «духам», чтобы не тянули резину.

— Есть не тянуть резину.

— Ну, вот как у нас все по науке получается, — усмехнулся Туполев.

Громов выжидательно смотрел на Туполева и не уходил. Туполев в задумчивости смотрел на Громова.

— Ну, дуй, Миша, дуй! — тихо произнес Туполев и едва заметным движением перекрестил живот пилота. — С богом.

— Есть! — Громов стремительно отдал честь, быстро зашагал к самолету. Тотчас послышались его команды. Заревели двигатели. Через минуту шеф-пилот был уже в кабине. Вздыхая столбы пыли, самолет покатил по аэродрому.

Архангельский, скосив глаза, посмотрел на молчаливого и хмурого Туполева. Приложил к глазам ладонь и деланно улыбнулся:

— Ничего бежит... Ты смотри, Андрей, как бежит... Прелесть!

Туполев отошел в сторону, присел и чуть не с колен смотрел на бегущую по траве машину.

Громов с явным удовольствием «катался» по аэродрому, пылил, давал моторам полный газ и сбрасывал его, делал остановки и вновь отправлялся в путь. Рулежка — обязательный первый этап испытаний. Вдоволь накатавшись, Громов подрулил к Туполеву, высунул из кабины голову и вопросительно посмотрел на Главного.

— Прыгай! — крикнул Туполев. — Дуй давай!

Моторы заревели, как при взлете. Самолет рванул с места, и, набирая скорость, покатил по травяному аэродрому. С разбега он начал взлет, но не взлетел, а совершил посадку. Подобные «прыжки» — второй этап испытаний. Самолет, кажется, сейчас, в следующее мгновение, будет в воздухе, а пилот возвращает его на траву, во время каждой посадки, иногда нарочито грубой и резкой, пробуя крепость шасси, послушность моторов и рулей. В случае неприятности грохнуться такой машине с минимальной высоты не так уж и страшно.

— Прыгает! — восторженно крикнул Туполев. Ему самому хотелось прыгать, бежать вдогонку за самолетом, сесть рядом с Громовым и испытывать радость от ощущения прыжков. — Сашок, ко мне! — крикнул Туполев Архангельскому.

Тот словно ждал призыва и вмиг подбежал к другу.

— Ура! Ура! — сверкая глазами, без устали повторял Архангельский. — Ура! Прыгает!

— Ура, ура... — с напускной строгостью сказал Туполев. — А иначе как? Ты ведь строил. Они строили. Ну, ладно. А где Юленька? Где ребята? Мигом!

Архангельский исчез. Его красный гоночный автомобиль, рыча и пыля, юркнул за ворота аэродрома, где уже толпились зрители.

Закончив «прыжки», Громов подрулил на стоянку, не спеша выбрался из кабины и, не подходя к Главному, принялся осматривать самолет. Он обошел его со всех сторон, приказал мотористам проверить двигатели, уровень масла, колеса шасси.

Андрей Николаевич стоял в стороне, не мешая шеф-пилоту и его «духам». Он зорко наблюдал за тем, как Громов дотошно осматривал моторы, залезал под машину и пальцами ощупывал места сварки

и клепки. Не в стиле Туполева было подменять кого бы то ни было на испытаниях: каждый отвечал за порученное дело.

Туполев подозвал кряжистого, темноглазого Озерова:

— Там народ собирается, глазеть хотят, так ты не гони в шею, не мешай глазеть: пусть Москва видит и знает, каков наш красавец.

— Слушай, Андрей Николаевич, — деловито сказал Озеров. — Интерес повышенный. Есть иностранные специалисты, что обслуживают «Дерулюфт».

— Знаю, знаю. Они сторожа подкупали, чтобы посмотреть машину. А теперь пусть все смотрят.

Озеров, чуть повременив с выполнением поручения, подошел к самолету и поплотнее закрыл дверцу кабины. Туполев заметил и засмеялся.

— Ты что? Боишься?

Во время испытаний одного из первых самолетов конструкции Туполева, когда летчик Петров порулил и попрыгал и доложил о готовности к полету по кругу над Лефортовым, Туполев, ко всеобщему изумлению, вдруг юркнул в кабину. Не успели ахнуть все окружающие, как самолет взлетел с Туполевым на борту.

— Ты понимаешь, — объяснил тогда Туполев Озерову, — я люблю железнодорожников, особенно мостовиков: люди дела, смелости и башковитые. Так вот, у них есть правило: перед тем, как пустить по мосту первый груженный состав, под мост встает, сняв шапку, его главный строитель, автор, так сказать. Не пробьет ему голову, беды не случится — значит, все в порядке. И нам тоже надо головой отвечать.

Озеров стал решительно возражать.

— Конструктор — редкость, его нужно беречь. Самолет, если и разобьется, то будет другой. А вот конструктора не восстановишь... Так что, Андрей Николаевич, я обвиняю вас в безрассудстве. Хочу верить, что это в первый и последний раз.

Вспомнив этот эпизод, Озеров и захлопнул дверцу, — не дай бог, опять что-нибудь выкинет Главный.

Осмотр самолета окончился, и Громов ровным шагом подошел к Туполеву.

— Машина хорошо слушается руля, — вытянувшись, отрапортовал Громов. — Рулежка и прыжки прошли нормально. Разрешите взлет.

— А может, прервемся до завтра? — испытующе посмотрев на шefa-пилота, спросил Туполев.

— Нет необходимости. Машина ждет неба. Разрешите взлет.

Наступила пауза. Туполев пожевал губу, посмотрел на небо, на сверкающий металлом самолет, на Громова, вздохнул и, покрутив на гимнастерке Громова пуговицу, тихо произнес:

— Дуй, Миша, дуй.

Громов, четко откозыряв, отрапортовал о готовности к полету.

Тогда только все начиналось, складывались и традиции, и Громов впервые ощущал потребность слушать перед отлетом это «Дуй» и видеть, как в своей серой толстовке, в кепке, в стоптанных ботинках Туполев направится вперед, туда, где закончится разбег самолета и начнется его отрыв от земли. Туполев, понимая, что его ждет Громов, пошел по траве. Удивительным чутьем и расчетом он определил место, где тяжелая металлическая крылатая машина, гремя, обдавая ветром, оторвется от земли. Тут он и остановился. И тогда взрвели моторы, АНТ тронулся с места и, набирая скорость, направился на Туполева. Андрей Николаевич видел, как надвигается на него жаркий от солнца, сияющий солнцем самолет, но не отступил ни на шаг,— он верил в мастерство шеф-пилота, в точность его расчетов, в отличную систему управления.

На аэродроме собрались уже сотни зрителей. Они ахнули, когда увидели мчащийся на Туполева самолет, и восторженно закричали, когда АНТ прошел в каких-то метрах над Главным. Было чему удивляться и радоваться: на глазах толпы происходило чудо — тяжелый металлический воздушный корабль покинул землю. Он не упал, а ровно и легко стал набирать высоту. Он сиял металлом на солнце и был такой красивый, четкий, необыкновенный. Не все понимали тогда, что этим полетом открывалась новая страница в истории авиации, но все чувствовали и радость, и восхищение, и гордость.

Туполев вернулся к стоянке у ангара, взял бинокль и принялся наблюдать за полетом. Вскоре послышался рев гоночного автомобиля Архангельского. Перед Андреем Николаевичем предстала его жена Юлия Николаевна и дети Алексей и Юлия. Они бросились к Туполеву, стали обнимать его, поздравлять с успехом.

Им не удалось поговорить,— басовито гудя, к стоянке направлялся закончивший круговой полет металлический АНТ. Поутихли его двигатели, захлопали дверцы кабины. Перед Туполевым вырос, едва сдерживая восхищение, Громов.

— Разрешите на следующий круг...— обратился он к Туполеву.— Все в порядке. Самолет хорош.

— Давай, Миша, давай. Только вот я хочу показать салон и твою кабину Юленьке и детворе. Пусть посмотрят. Им будет интересно.— Туполев сделал вид, что он очень уговаривает Громова, а Громов развел руками, дескать, что я могу поделаться, и пригласил всю семью Туполева пройти в салон.

Только семья разместилась в креслах, как Туполев прошел в кабину к Громову и отдал ему приказ идти на взлет. Громов повел глазами, сдвинул брови, подумал и, в свою очередь, решительно приказал:

— Занять места, не ходить, полное спокойствие.

Юлия Николаевна предполагала, что Андрей выкинет что-нибудь удивительное, но никак не думала о полете всей семьей, с детьми, и ей стало страшно. Но она подавила в себе страх и, улыбнувшись, обратилась к детям:

— Это очень интересно — папа покажет нам Москву с воздуха. Смотрите в окошечки.

Туполев выглянул в дверцу и знаками дал понять Архангельскому, Озерову, Путилову, Петлякову — всем друзьям, чтобы они не мешали выполнять его распоряжения.

Громов дал полный газ моторам. Ему приходилось много летать, видеть мир, переживать смертельные опасности во время испытаний, но такое случилось с ним впервые. Громов был бесконечно благодарен Туполеву за предельное доверие. В то же время он понимал, что, доверяя ему, Громову, он с его помощью, рискуя семьей, ставит на карту в борьбе за металлическую авиацию самое дорогое, что есть у него в жизни. Громов «подавил себя» и стал обычным Громовым — деловым и строгим.

Начался разбег. Машина дрожала от напряжения. В кабине ощущался каждый комок земли, по которому прокатывались колеса. Гофрированные стены дрожали. Туполев и Громов мысленно отсчитывали метры: сейчас... вот сейчас отрыв... Казалось, бесконечно долго продолжался разбег... Но вот толчок, еще толчок... Так и есть — самолет оторвался от земли и стал набирать высоту.

Исчезла зеленая гладь аэродрома. Под крылом показались башни Петровского дворца. Мелькнула башенка «Мавритании». Появились Триумфальные ворота у Белорусского вокзала. А на площади — трамваи, бордового цвета автобусы «лейланды», извозчики, ломовики. И множество печных труб над крышами. И вдруг — ширь Красной площади, на которой застыли от неожиданности трамваи, пролетки и такси. Казалось, вся Москва задрала головы и следила за крылатым чудом.

С аэродрома уже позвонили в различные учреждения и в редакции газет, — вмиг Москва узнала о необычайном происшествии на земле и в небе. Своими крыльями на фоне облаков металлический АНТ с пассажирами на борту утверждал правоту дерзкой мысли.

НАЧАЛО

Милиция явилась по экстренному вызову: в подвале старого дома № 19 по Садово-Спасской произошел взрыв. У входа в подвал милиционера Михеева и его напарника ждала возбужденная толпа.

— Ой, взорвали!.. Терпежу нету... — заголосили старушки и старички при виде Михеева. — Страх какой!.. Стекла вышибло...

— Граждане, разойдемся! — строго приказал Михеев. — Без паники. Кто вызов делал?

Михеев только что наводил порядок на Сухаревском рынке, что шумно раскинулось у Сухаревской башни со своими ларьями, балаганами, лоточниками и шныряющими в толпе воришками, и рассчитывал после возни с мошенниками и конокрадами передохнуть, а тут... взрыв. Дело серьезное.

— Разрешите, гражданин милиционер, дать пояснение... — заглядывая в глаза, вкрадчиво обратился к Михееву худосочный мужчина с нездоровым лицом. — Дело тут, видите ли, подозрительное. В данном подвале, как вам, конечно, известно, в старое время держал свои бочки виноградец. Царство ему небесное, добрый был хозяин и подвал отгрохал отменный.

— Короче! — прервал Михеев.

— В настоящее время в данном подвальном помещении обосновались весьма подозрительные, так сказать, субъекты.

— Чем подозрительные? — сухо спросил Михеев. — Факты? Доказательства? Что известно?

Назойливый мужчина дохнул Михееву в лицо перегаром:

— Делают взрывчатку. Может, в виде бомбы, может, в ином виде. Свою преступную деятельность алхимики прикрывают полетами на Луну и всякой тому подобной чертовщиной и чепухой. А это, как вы понимаете, что означает? — глаза отводят. Бдительность нашу тутять...

— Да не слушайте вы его, товарищ милиционер! — вырвалась из толпы разгневанная девушка в красной косынке. — Честное комсомольское! Ученые здесь работают. На Луну летят. Помощь им нужна. Беда у них стряслась — ОР взорвался, а не бомба.

— Кто вызов делал? — Отмахнувшись от девушки, Михеев сурово посмотрел на толпу.

— Да мы тут все делали, — басом заговорил дородный мужчина. — Это все правда: бомба! К-а-а-к шарахнуло... Тут и дым, и гарь, и стекла в крупу. А заступницу вы, товарищ милиционер, не слушайте: чево она, свистушка, в таком деле понимает? Тоже мне: наука! Может, она из той самой шайки.

— Может, и не из шайки, может, и не злоумышленники... — в раздумье заговорил плешивый старичок с длинными белыми усами. — Может, секта какая? А?

Толпа понимающе зашумела.

— Есть у них один — самый главный алхимик, а может, какой святой по-ихнему? — продолжал плешивый. — Так он не говорит, как все мы, православные: «Доброе утречко» или «Здравствуйте, люди хорошие», а он, как входит в подвал, так вместо крестного знамения вроде своей какой молитвы: «О, Марс, когда я увижу тебя, Марс?»

Цандером его зовут. Видали? Так что не преступники они, а по какой другой части — сказать не могу. Батюшку бы спросить надоть.

— Разберемся,— сухо произнес Михеев. Голова у него заболела от противоречивых сообщений, шума, мелькания лиц и высказанных догадок. Но для него важно было уже то, что постепенно ослабевало чувство острой опасности, отпадала необходимость взводить курок. Желая поскорее разобратся в случившемся, Михеев коротко бросил напарнику: «Пошли!» — и стал осторожно спускаться в подвал. Каменные ступени давно были побиты тяжелыми бочками, сквозь кладку проросла трава.

Толкнув дверь, Михеев увидел рассерженного с виду, еще молодого человека с красивым волевым лицом. Сверкнув темными глазами, он представился:

— Я так и знал, что вы придете. Будем знакомиться: Королев. Сергей Павлович. Начальник ГИРД при Центральном Совете Осоавиахима. Цель вашего визита мне понятна. Жалоба? Ищете причину взрыва? Я все объясню.

Отстраняющим движением Михеев остановил Королева и первым вошел в сумрачный подвал. На него пахло кислотой, гарью, бензином и каленым железом.

— Должен принести извинения и вам и всем жильцам,— произошел неудачный запуск ОР... Да, прежде всего должен доложить вам о наших работах, имеющих государственно важное значение. Речь идет о будущем человечества.

Михеев остановился и обвел взглядом подвал. В дальнем углу какие-то люди торопливо убирали с пола сбитую взрывом штукатурку и куски обгорелого металла.

— Так... Значит, взрывами занимаетесь? — сурово спросил Михеев. — Жалоба поступила от трудящихся. Нарушаете общественный порядок.— Произнося эти слова, Михеев пробуравил Королева серыми колючими глазами.— Что за ГИРД? По какому праву заняли данный подвал? Кто такие?

Королев выдержал испытующий взгляд Михеева, горько усмехнулся и, предлагая ему грубо сколоченный табурет, сел рядом с ним на ящик, накрытый куском фанеры.

— Что могу сказать? Прежде всего: виноваты. Сами огорчены без меры. Все так было рассчитано, и вот...— Королев сжал пальцами подбородок и изучающе посмотрел на Михеева.— Так вот, сначала о ГИРД. Там, наверху,— по щекам Королева заходили желваки,— там бог знает что наговорили о нас,— мы к этому привыкли,— и алхимики мы, и злоумышленники, и бомбы делаем, и фальшивые деньги печатаем, и сектанты мы... Верно ведь, наговорили?

Хмуро слушая Королева и думая о своем — не отводит ли Королев своими досужими разговорами от сути дела? — Михеев открыл старый планшет и достал из него бумагу для составления протокола.

— Говорили, говорили... — усмехнувшись, подтвердил Михеев. — А на самом деле что?

— На самом деле? — Королев подумал и улыбнулся. — Не фальшивомонетки, не сектанты, бомбы не делаем, работаем мы над ОР — это опытный ракетный мотор. Техника будущего. По Циолковскому работаем. О Циолковском слышали?

— М-м-м... — неопределенно гмыкнул Михеев и с огоньком подозрительности в глазах посмотрел на Королева:

— Так... А документы есть?

— Есть и документы. — Королев открыл железный ящик и достал из него папку с решениями и выписками из протоколов ЦС Осоавиахима об организации ГИРД. — При этом он пояснил: — ГИРД — это Группа изучения реактивного движения. Создаем моторы для ракет.

— Жюль Верны? — хитро посмотрел Михеев.

— Да как вам сказать... Жюль Верн предсказал то, что будет. А то, что будет, делается вот здесь. — Королеву важно было замаять скандал, чтобы протокол не дошел до ЦС Осоавиахима. А то и так много всяких жалоб поступило туда. Не все верят в ГИРД. Есть и враги. Вот для противников ГИРД протокол о взрыве и будет сущим подарком. Создадут комиссию, начнется нудное расследование, опять пойдут разговоры о чудачествах гирдовцев, о пустой трате денег: все нервы издегают. «Конечно, отобьемся, — укрепился в своей вере Королев, — есть и верные защитники, есть верующие в ракетное будущее. Но все достанется «большими нервами»... Желая склонить Михеева на свою сторону, заинтересовать его планами ГИРД и тем, что уже сделано, Королев торопливо стал знакомить милиционера с документами, а затем представил ему и гирдовцев: научный руководитель ГИРД Фридрих Артурович Цандер, руководитель второй бригады Михаил Клавдиевич Тихонравов, руководитель третьей бригады Юрий Алексеевич Победоносцев, конструктор Николай Иванович Ефремов...

По мере того как Королев знакомил Михеева с гирдовцами, представитель милиции профессионально осматривал каждого с головы до ног. Его поразил Цандер, с впалой грудью, часто кашляющий, до того истощенный, что старый потрепанный костюм висел на нем как на вешалке. В заплатах были его стоптанные ботинки. Но какие были у него глаза! Горящие, полные силы и вдохновения. Они заворожили Михеева, и он невольно вспомнил услышанные там, наверху, слова о Цандере как об алхимике, святом, вещуне. Рассудительный Тихонравов показался Михееву воплощением деловитости и серьезности. А он был в костюме, который постеснялись бы вытащить для продажи на барахолку. И Победоносцев, такой приятный, весь в доброй улыбке, носил костюм, словно взял его у старьевщика... Разве эти люди похожи на тех, с которыми частенько приходилось

ему иметь дело? Могут ли они быть фальшивомонетчиками, бомбистами?

— Так вот, наша задача на данном этапе...— Королев, познакомив Михеева с гидровцами, заговорил с той торопливостью, которая, как ему казалось, могла донести до Михеева возможно большее число сведений о ГИРД.— Наша задача — создать ракетный мотор и тем самым обеспечить полет ракеты. О полетах мечтали лучшие умы человечества. Вы напомнили о Жюль Верне. Да, Жюль Верн в своих мечтах-произведениях открыл будущее, но реальный путь к звездам нашел Константин Эдуардович Циолковский: ракета!

— Для полета на Марс...— заметил Цандер и натужно закашлял.— Что касается взрыва, то я дам вам полное техническое объяснение...

Королева передернула, он гневно посмотрел на Цандера, давая ему понять, что сейчас не время объяснять техническую сторону происшествия — прежде всего нужно ознакомить милицию с самой сутью дела, с работой ГИРД, заинтересовать огромными перспективами, при этом отметить слабую материально-техническую обеспеченность лаборатории, вследствие чего так и получилось...

Слушая Королева, Михеев дал едва заметный знак своему напарнику: осмотры подвал! — закрыл планшет, поднялся с табуретки и, поглядывая то на задымленный потолок, то на стены с обвалившейся штукатуркой и оголенными кирпичами, направился к месту взрыва. Шли все медленно, и пока шли, Королев, в обычных условиях спокойный и говоривший рассудительно и веко, на этот раз спеша, рассказывал о ГИРД, об испытаниях ОР, а Цандер все его перебивал и старался вставить замечания о полетах на Луну и на Марс.

Было что-то привлекательное, искреннее, пылкое в самозабвенном рассказе Королева, в его горячем взоре, в несвойственной ему торопливости. Михеева тронул больной, часто кашляющий Цандер с его неистребимой верой в скорый полет на Марс. Самым спокойным и малоразговорчивым оказался Тихонравов, и если он начинал говорить, то только о государственной важности ГИРД для страны и всего мира.

— Значит, тут и был взрыв? — Михеев остановился на месте, где недавно производился «огневой эксперимент». Отойдя от Королева, он осмотрел пол, встал на колени и поковырял пальцем обуглившуюся половицу. Потом посмотрел на покрытый гарью потолок, взял со станка еще теплый осколок и подкинул его на ладони.

— Это то, что осталось от ОР...— объяснил Королев.— ОР — это опытный ракетный мотор...

— Ракетный мотор?.. Ракетный мотор...— повторил Михеев.— Не знаю. Не слышал.— А сам подумал: «Нет, не бомба. Ничего похожего на бомбу тут нет. Она бы все разворотила». На гражданской войне

Михеев видывал всякие гранаты и бомбы, имел представление о снарядах,— до ранения короткое время служил в полевой артиллерии. «Нет, не бомба!» — твердо решил он. Но взрыв все же был, и есть заявление от жильцов, значит, нужно вести расследование.

Шагая по подвалу, Михеев остановился около стенной газеты. Обыкновенная «стенновка», отличалась от сотен себе подобных разве тем, что заметки в ней были посвящены ракетам, ОР, соревнованию бригад, соревнование тоже посвящено ОР.

Во всем дотошный Михеев отколол «стенновку» и осмотрел за ней стену. Стена как стена — кирпич. Сделав несколько шагов и увидев фанерную доску для объявлений и приказов по ГИРД, Михеев тоже ее снял и опять не обнаружил на стене ни следов от икон, ни церковной росписи. Видать, права комсомолка, что вырвалась из толпы и защищала гирдовцев. Не сектанты, не фальшивомонетки, а ученые, эти гирдовцы. Только вот наука у них какая-то странная, и сами они неприкажные...

Обескураженный Михеев заглянул для порядка и в угол, отгороженный от всего подвала выцветшим ситцем. На столе, покрытом старой газетой, лежали неочищенная луковица, две картофелины «в мундире», стопкой высились тонко нарезанные ломтики черного хлеба. В жестяной банке хранились куски темно-серой каменной соли. Здесь же лежали аккуратно собранные продовольственные карточки.

— Чьи? — спросил Михеев.

— Наши, — ответил Королев.

— А почему низшего разряда? — Михеев взял карточку, посмотрел на свет. Нет, не фальшивая. Недоумение у Михеева возросло. — Почему такие?

— Да вот, видите ли, не все всё понимают и ценят... — потупившись, пояснил Королев. — Новое рождается в муках. В борьбе.

— Злые шутники говорят про нас, — вмешался Тихонравов, — ГИРД — это группа инженеров, работающих даром.

— Одну пару ботинок на всех дали... — с горечью заметил Победоносцев. — Дело, конечно, не в ботинках, не в карточках, — нам станки нужны, нам оборудование нужно, нам полигон нужен, чтобы не взрываться в жилом доме... В этом — главное.

— Будет полигон. Все будет. Не сразу, — успокаивающе сказал Королев. Но тут же странно улыбнулся, словно захотелось ему рассказать что-то веселое. — Когда возникает необходимость паять серебром, а у нас его нет, то мы бегаем по соседям, знакомым и близким, ищем его у бабушек и собираем по крестикку, по серебряной ложечке. Но это дело временное.

Михеев был строг и смел, на гражданской войне и в милиции привык действовать решительно, о его «остром классовом чутье» на врага ходили легенды, а тут он почувствовал какую-то растерянность.

В каменном подвале, из которого еще не выветрился тяжелый дух от бочек винооторговца, все было странно, и такими непонятными были гирдовцы. «Кто они? — размышлял Михеев. — Хитро маскирующиеся фальшивомонетчики? Сектанты? Бомбисты?» Его смутили луковича и картофелина на столе, эти продовольственные карточки, затасканные костюмы, заплаты на сапогах и ботинках. А тут еще подошел явно смущенный напарник, успевший обшарить подвал. Знаками он дал понять: ничего такого подозрительного не обнаружил, хотя все странно здесь, но улик никаких. Михеев понял, одобрительно кивнул напарнику, но предупредил: все же, браток, бдительности не теряй, смотри в оба.

— Значит, будем составлять протокол... — Михеев сел за стол и разложил перед собой бумаги. — «Протокол о произведенном взрыве в подвальном помещении дома № 19 по Садово-Спасской улице города Москвы от 1932 года...» — Тут Михеев отложил карандаш и испытующе посмотрел на Королева. Тот стал угрюмым, горькие складки сошлись около его губ. Не удалось ему убедить Михеева... А послезавтра — заседание Центрального Совета Осоавиахима, будут слушать его доклад. Обещали помочь, дать полигон. И вот... Беда... Засмеют недруги.

Много видел Михеев за свою жизнь горя и подлости, а тут осекся и задумался. Если все правда, что говорит этот упрямый и сильный человек Королев, если крепка и верна убежденность чахоточного Цандера, если они праведники и пророки, то как бы ему не наломать дров? Михеев почувствовал, как на его плечи обрушилась невидимая, но великая ответственность.

Держа руку на впалой груди, на Михеева вопрошающе смотрел Цандер. Глаза его пылали. Королев все больше мрачнел, казалось, он сейчас взорвется от негодования, усталости и оттого, что не верят в его дело. Но, переломив себя, Королев просительно обратился к Михееву:

— Взрывов больше не будет. Обещаю. Вот получим в Нахабино полигон — дело осталось за оформлением, — там и будем проводить огневые испытания ОР. Ну, а здесь... Все восстановим. У жильцов будет полный покой и порядок.

— Честно? — строго спросил Михеев.

— Здесь взрывов не будет, — твердо заявил Королев.

Михеев скомкал протокол и спрятал его в планшет.

— Доложу начальству без протокола свое особое мнение. Работайте.

— Спасибо! — Королев заулыбался и словно весь засветился. — Поверьте, будут летать ракеты над Союзом Советов. Будут. Обязательно будут!

— Приглашаем в полет на Марс. — Цандер закашлялся и схватился за грудь. — Мы увидим Марс.

Отказыряв, Михеев с напарником направился к выходу из подвала, но остановился, круто повернулся и в упор посмотрел на Королева: — Дадим серебро для пайки. Только без взрывов. Ясно? — Спасибо.— Королев засветился еще сильнее и стал весел.— А ракеты будут летать. Увидите.

РОЖДЕННЫЙ ЛЕТАТЬ

О Чкалове написаны книги и созданы фильмы. Ему поставлены памятники, в архивах сохранены документы и воспоминания современников о жизни и труде великого летчика своего времени. Но вот странное дело: чем больше слушаешь тех, кто был рядом с Валерием Павловичем, перечитываешь о нем старые статьи и книги, вновь смотришь фильмы, переворачиваешь страницы своих дневников, тем отчетливее возникает перед тобой образ не одного, а нескольких Чкаловых.

В одном случае он предстает как бесстрашный русский удалец из числа потомственных волгарей, горбоносый, с ястребиными глазами, могучий в груди и широкий в плечах, умница и весельчак, горячий и отважный, из той породы богатырей-россиян, которые не знали, куда девать силушку. «Дорвавшись» до неба, он, отвергая уставные требования, показал свою удаль, заставив небо, как требовал поэт, снять шляпу. То нырнул с лёта под мост на Неве, то пролетел вверх колесами над самой землей, то спикировал едва ли не до самого аэродрома... Доставалось Чкалову за все эти «фокусы»! Были выговоры, грозные приказы, гауптвахта, однажды угодил даже в тюрьму...

Но в другом случае вырисовывается иная фигура: вдумчивый и бесстрашный искатель новой методики ведения воздушной разведки и боя на малых высотах, создатель невиданных фигур высшего пилотажа. Существовал как бы и третий Чкалов — прирожденный азартный спортсмен, жадный до рекордов и славы.

Каким же Чкалов был в действительности?

В том, что по-разному оценивали его разные люди, нет ничего удивительного. Очень уж многогранным был характер народного самородка, в жилах которого текла кровь бурлаков и свободолюбцев понизовой вольницы, котельщиков и плотогонов...

Мне посчастливилось видеть Валерия Павловича на стартах его легендарных перелетов, встречать на острове Удд, ездить с ним на родную нам Волгу, рыбачить на Медвежьих озерах, наблюдать его в редакции «Комсомольской правды» и за кулисами МХАТа, в заводских цехах и у него дома, на испытательном аэродроме и в конструкторском бюро. И вот теперь, по прошествии стольких лет,

память подсказывает множество деталей и таких проявлений сложного характера, которые дополняют образ истового богатыря земли и неба.

Однажды Чкалов взял меня, авиационного журналиста, с собой на испытательный аэродром и, перед тем, как уйти с конструктором самолетов Н. Н. Поликарповым к истребителю, сказал мне: «Стоять здесь! Никуда не уходи!»

Набрав высоту, Чкалов перевел самолет в отвесное пикирование да так, что нацелил его точно на то место, где с группой специалистов стоял и я. На наши головы обрушились и свист, и вой, и рев, и гул. В то мгновение, когда самолет должен был врезаться в землю, зарывая в нее всех нас, он, едва не повалив людей с ног хлынувшей с неба бурей, был уже в высоте. Чкалов принялся выписывать «петли Нестерова», и вдруг полетел вверх колесами, и опять «пикнул», и только после вертикального штопора совершил посадку. Отцепив ремни, Валерий Павлович выбрался из кабины и, отойдя в сторону с Николаем Николаевичем Поликарповым, доложил ему о поведении машины в небе. После доклада Чкалов сел на траву, закурил и, чуть щуря яростные глаза, спросил меня:

— Ну как?

— Страшно,— сознался я.

— Прямое пикирование уточняет бомбометание и обстрел наземной цели. Ясно? — пояснил Валерий Павлович.

Я смотрел на обветренное лицо пилота, который только что заставил всех на аэродроме содрогнуться, и не видел ни намека на лихачество, на озорство, тем более на самолюбование. Чкалов был похож на сталевара, только что шагнувшего от огнедышащей печи, или на солдата, вышедшего из боя.

— Вот ты и разгадай загадку.— Чкалов неожиданно рассмеялся.— Есть еще такие граждане-товарищи, которые, черт бы их побрал, твердят свое: хулиганство! Безрассудство! Они... они не хотят понять: авиация становится другой, и подходить к ней нужно с другими мерками. И бои будут другими. И тогда к чертовой бабушке полетят старые инструкции.— Чкалов посмотрел в глубину неба и лег на траву, подложив под голову сильные руки. Помолчав, продолжил мысль: — Если, брат, делаем новые самолеты, нужна и новая тактика. И новые инструкции. А старые — на свалку.

Валерий Павлович сорвал пучок травы, приложил ее к лицу и стал разъяснять мне, что бомбардировка с пикирования, как, скажем, и уборка шасси в полете, заимствована от птиц. Сокол, например, увидев зайца, вертикально пикирует, и тут зайчишке несдобровать. Что касается авиации, то еще в 1920 году краснооленлеты Смирнов и Акулов на стареньком трофейном биплане с пикирования сбросили бомбу на палубу белогвардейского корабля в Черном море. Забывать такое нельзя! Или вот шасси. У птички научились убирать «ноги»!

Трудная это наука. Птичка с детства умеет складывать лапки, а нам эта наука досталась кровью...

В ту давнюю пору, когда только появились первые самолеты с убирающимися шасси, летчикам приходилось вручную вращать штурвальчик, находившийся по правому борту в кабине. И вот, испытывая первый скоростной самолет с убирающимся шасси, Чкалов пронесся над аэродромом, убрав шасси, и, выполнив в небе каскад фигур высшего пилотажа, выпустил шасси и совершил посадку. Конструктор Н. Н. Поликарпов светился радостью: превосходный результат! Но ему и Чкалову мало было одного полета. Были проведены второй и третий, и все шло хорошо: шасси убиралось, скорость полета возрастала, шасси выходило из гнезд, и самолет, уменьшив скорость полета, совершал нормальную посадку. Но Чкалов признавал только «закон больших чисел»: нужно много, много раз слетать, чтобы убедиться в надежности нововведения. На следующем полете стойки — «ноги» шасси — ушли в свои гнезда, а потом откатились выйти. Чкалов, управляя самолетом, еще и еще крутил штурвальчик — ничего не получалось. Что делать? Чкалов принялся «выбивать» шасси — он пикировал, вычерчивал самые головоломные фигуры, рассчитывая «вышибить» стойки. Одна «нога» выскочила, вторая застряла, да так прочно, что все усилия Чкалова не давали нужного результата. На самолете радио не было. Пилот не мог получить совета от конструктора. Нужно было решать самому. Прыгать с парашютом? Нет, он не мог пойти на такой шаг, нужно сохранить машину и выяснить, что же произошло с шасси. Чкалов решил совершить посадку на одну «ногу». Такого еще не бывало... С протяжным воем сирен выезжали из гаражей санитарные и пожарные автомобили. Все мы замерли. На последних «глотках» бензина Чкалов повел самолет к аэродрому и виртуозно, словно канатоходец в цирке, сел на одно колесо. После пробежки самолет, конечно, развернуло волчком, поломалось крыло, но главное было сделано: Чкалов жив! И цел новый самолет.

Героизм! Отвага! Мужество! — восторженно писали мы тогда в газетах о летчиках-испытателях, и прежде всего, конечно, о Чкалове. А он не в шутку сердился, иной раз даже демонстративно отказывался разговаривать с нами, корреспондентами, ворча: «Если летчик-испытатель будет думать о героизме, он не испытатель. Поймите вы, это работа! Правда, у нас есть свои особенности, но у кого их нет? Водолазы. Полярники. Верхолазы. Взрывники в шахтах. Пограничники. Подводники... А вы прицепились к летчикам-испытателям и все дуете одно: героизм, романтика!..»

Как-то выбрался Чкалов с друзьями на Медвежье озеро порыбачить и захватил меня с собой. Я помню, как, сев на весла, не спеша загребая, он замурлыкал старинную волжскую песню.

И я подумал тогда о жизни Чкалова на Волге, в Василевском затоне, где он родился, как рассказывали в его семье, в «бессознательном состоянии»... Долго новорожденного отхаживали, наконец младенец чихнул и закричал. Тогда его окрестили в холодной, принесенной из проруби воде. Подросток, крепко ходил по земле, работал молотобойцем и кочегаром, в небе над Волгой впервые увидел самолет, и он так потряс воображение, что, бросив все, уехал парень в Канавино, пригород Нижнего Новгорода, где в сараях разместились авиаремонтные мастерские, громко именовавшиеся «авиационным заводом». Там впервые коснулся Чкалов рукой матерчатого крыла простреленного на фронте «ньюпора». Он быстро вошел в бригаду ремонтников, и научился возвращать жизнь «фарманам», «блерию», «маранам», и провожал их в испытательные полеты. Аэродромом служило вытоптанное скотом поле, по соседству паслись коровы...

Вскоре после той памятной рыбалки Чкалову поручили выехать в Горький, прибыть на авиационный завод имени С. Орджоникидзе и приступить к подготовке нового самолета и установлению рекорда скорости. Мне привелось встретить Валерия Павловича в родном нам городе. Чкалов, остановив машину около убогих сараев, в которых когда-то были цехи авиаремонтного завода, глубоко вздохнул, и по щекам его перекатились желваки. Здесь начинался его путь в авиацию. Теперь был настоящий авиационный завод и первый в стране автомобильный завод. Неузнаваемо старое Сормово. А как изменился сам Чкалов! Вышли мы и на зеленый Откос, что вознесся над речной ширью вровень с седыми башнями древнего кремля. Чкалов стоял там, где ныне стоит во весь рост его бронзовая фигура. А тогда, осмотрев затянутый дымкой зелено-голубой простор и Стрелку, где Ока бросается в объятия Волги, он сказал с явной гордостью:

— Хорошо!..

Потом началась работа. Требовалось «прогнать» самолет на километровой базе, чтобы определить скорость полета у земли. Для испытаний был выбран участок вдоль шоссе Горький — Москва. Погода выдалась хорошая, и Чкалов стал разгонять самолет на высоте пятьдесят метров. И тогда... Нет, воспроизведу рассказ самого Чкалова:

— Вдруг самолет неестественно завибрировал, и я увидел, как у моего звездообразного мотора начали отлетать в стороны цилиндры и детали капота. Машинально убрал газ, выключил зажигание... Скорость резко упала. Решаю: самолет посажу на лес, другого выхода нет. Задел верхушку дерева, самолет опрокинулся на спину. Лечу вниз головой. Второй удар... Самолет снова перевернулся...

...Сняв с головы бинты и, как он сказал, очухавшись от катастрофы, Чкалов вновь вернулся на свой завод, на испытательный аэродром. Это работа? Да, конечно, работа. Но все-таки, все-таки... Какое нужно

иметь сердце и как верно, глубоко понимать свой долг перед Отечеством, чтобы после ЧП в небе опять сесть за штурвал.

Путь в небо труден. И опасен. На глазах Чкалова погибали его друзья. Он хоронил друзей и, сменяя их, садился в кабину, застегивал привязные ремни, улетал на работу в небо. Чкалов продолжал новаторские дела Петра Нестерова, Константина Арцеулова, Александра Анисимова, Михаила Громова и многих, многих других отважных пилотов, преображал авиацию. И в этом смысле очень точно определил суть жизни и труда Чкалова главнокомандующий ВВС, главный маршал авиации К. А. Вершинин, сказав: «Он был не только непревзойденным летчиком, выдающимся мастером своего дела, но и создателем школы высшего пилотажа и школы испытания новых самолетов, автором тактики истребительной авиации и творцом фигур высшего пилотажа... Чкалов сам разработал и выполнил пятнадцать фигур высшего пилотажа...» В годы Великой Отечественной войны в воздушных боях во многом побеждала «школа Чкалова». В подробностях знают обо всем этом главным образом авиаторы, но Валерий Павлович обессмертил свое имя и всемирно известными перелетами по северному маршруту в 1936 году и через Северный полюс из Москвы в Америку в 1937 году.

Краснокрылый тяжело загруженный самолет АНТ-25 был установлен на специально возведенной бетонной горке — для ускорения разбега. Чкалов в летной куртке, унтах деловито прощался с провожающими. Он подмигнул мне, дав понять, что просьба моя удовлетворена и я могу следом за АНТ-25 лететь на специальном штабном самолете. Безукоризненно точно Чкалов поднял в воздух самолет АНТ-25 и со своими друзьями Г. Байдуковым и А. Беляковым отправился в полет по маршруту, пролежавшему над льдами Арктики на Камчатку, затем в Хабаровск. Тотчас, едва скрылся в небе АНТ-25, взлетел и самолет с работниками штаба перелета. Мы летели с посадками напрямую в Хабаровск. Радио оповещало, как АНТ-25 одолевал снежные бури, грозовые разряды, обледенение. Чкаловцы пролетели уже более 8000 километров, когда путь им преградили свирепые бури, непроницаемые туманы... По приказу из Москвы Чкалов совершил посадку на крошечном островке Удд. Одним из первых москвичей я примчался на этот песчаный клочок земли и обнял героев. Чкалов подчинился приказу, но был зол, ругал на чем свет стоит и погоду и метеорологов и отводил душу тем, что с Байдуковым и Беляковым занялся строительством деревянной взлетной полосы и извлечением из земли застрявших в ней колес АНТ-25. В том полете Чкалов за 56 часов в сложнейших условиях пролетел без посадки более 8700 километров — это была выдающаяся победа советской авиации. А Чкалов сетовал: надо бы «пилить» до Хабаровска!

Улучив минуту, я спросил Валерия Павловича:

— Какие планы?

— Планы? Через полюс.

В течение года шла деятельная подготовка к небывалому перелету из Москвы в Америку. Когда подготовка подходила к концу, произошло несчастье: в АНТ-25 врезался при посадке самолет... Ирония судьбы! Самолет пилотировал тот грозный командир, который в свое время не раз наказывал Чкалова за лихачество и даже направил его на «курсы недисциплинированных летчиков»... АНТ-25 отремонтировали, подготовили к перелету и опять водрузили на бетонную горку. Через год вокруг нее снова собрались провожающие. Спокойно и просто подошел к самолету Чкалов. Кепку повернул козырьком назад. Попрощался с провожающими. Подошел к краю бетонной горки. Закурив последнюю папиросу, в задумчивости посмотрел на лес, затянутый утренним туманом с Медвежьих озер. По праву земляка я бросился к Чкалову.

— У нас сейчас на Волге хорошо,— щуря глаза, сказал Чкалов.

— А дальше какие планы?

— Планы? — переспросил Чкалов и окинул взором мокрую от росы взлетную полосу.— Вот слетаем, задание Родины выполним, а потом... Потом — вокруг шарика.

Полет в Америку был триумфальным. Чкалова, Вайдукова, Белякова принимал президент США. Кинозвезды и знаменитые спортсмены искали случая сфотографироваться с героями. Ученые выступали с заявлениями о выдающемся вкладе в науку Чкалова и его друзей. А народ Америки принимал дружеские послания советского народа. То были дни, когда «Америка прозрела», как писали тогда газеты, когда «Америка узнала правду о Стране Советов». Там, в Америке, во всем блеске проявился и талант Чкалова как народного трибуна, общественного деятеля, посланца страны социализма. «Он влюбил в себя Америку»,— вещали радиостанции и аршинными буквами газеты.

Чкалов вернулся из Америки, приступил к работе летчика-испытателя. Летал, летал... Морозным декабрьским днем 1938 года он погиб, испытывая очередной самолет-истребитель. Но Чкалов живет в делах советской авиации, живет в космических полетах. Юрий Гагарин сказал: «Мы, летчики-космонавты, многим обязаны Валерию Павловичу Чкалову... и считаем своим долгом быть чкаловцами».

Стартовым ревом провожает гавань Вселенной космические корабли. Их ведут внуки Чкалова.

СЛОВО О ГАГАРИНЕ

После легендарных 108 минут космического полета Юрия Гагарина, когда человечество восторженно приветствовало первопродца Вселенной, на одной из многочисленных пресс-конференций

некий американский журналист предпринял дотошную попытку выяснить у своих советских коллег: «Почему именно Гагарин полетел первым? Где нашли Гагарина?»

— Я могу допустить, что вы рассчитали свой космический корабль и космическую орбиту, — возбужденно говорил американский журналист. — Но как вы рассчитали человека? Как рассчитали своего Колумба Вселенной?

И он стал перечислять, загибая пальцы, достоинства первого космонавта:

— Красив, умен, мил, обаятелен, образован, спортсмен, летчик, храбрец... И к тому же русская княжеская фамилия и... классическая «красная биография». Как вам удалось «добыть» такого уникала, как Гагарин? — недоумевал он.

...После старта первого в мире искусственного спутника Земли и рейса к звездам четвероногого разведчика Вселенной собаки Лайки советская наука вышла на новый рубеж века: осуществить вековые мечты поколений о полете человека в космическое пространство.

Научно-техническая база уже была испытана в полетах спутников и первых беспилотных космических кораблей. Пробыл час полета человека.

Тогда-то и разразилась дискуссия — одни ученые утверждали: будущих космонавтов нужно искать среди мужественных и смелых альпинистов, хорошо знакомых с головокружительными высотами и кислородным голоданием. Другие, возражая, рекомендовали вести поиск среди подводников, привыкших во время длительных походов в глубинах вод к тесноте стальных помещений своих субмарин. Рекомендовались в полет и полярники, и водолазы, и строители-верхолазы. А сошлись на том, что первым космонавтом должен быть летчик. «Военный летчик-истребитель — универсал, — сказал по этому поводу С. П. Королев, — и для него выполнение сложных и рискованных заданий — привычная служебная обязанность».

В авиационных гарнизонах по всей стране начался «просмотр» тысяч и тысяч летчиков. Из их среды отбирали лишь самых достойных, самых опытных мастеров.

В первом полете важно было решить задачу задач: выяснить, может ли жить и работать человек в космосе. Огромную работу по отбору летчиков возглавил будущий первый начальник Центра подготовки космонавтов Евгений Анатольевич Карпов. Вспоминая, как проходило знакомство с тысячами и тысячами летчиков, он отмечает, что строгим критерием в этой работе являлись требования, которые выдвинул С. П. Королев: любознательность, трудолюбие, выраженное стремление добровольно посвящать себя космонавтике. Летом 1959 года С. П. Королев просил отправлявшихся в летные части авиационных врачей отбирать только молодежь (не старше 25—30 лет) и не приглашать пока в число кандидатов рослых

и крупных (рост до 170—175 сантиметров, вес до 70—72 килограммов).

Ограничения по весу и росту объяснялись небольшими, по сравнению с современными, размерами космического корабля «Восток».

«Первые космонавты — это обязательно дерзающая молодежь, у которой в космонавтике огромное будущее», — говорил С. П. Королев.

Из тысяч и тысяч летчиков, желающих стать космонавтами, были отобраны сотни. В авиационном госпитале, где завершался отбор в космонавты, я видел одетых в белые халаты красивых, сильных и смелых летчиков — красу и гордость лучших авиационных частей, — которые с грустью собирали чемоданы, возвращались в свои части продолжать полеты. Но... не в космосе.

После тщательного отбора осталось лишь 20 претендентов на звание космонавта. Но и из «двадцатки» выделилась «ударная шестерка». В ней были все как на подбор, и отвечали они самым высоким требованиям Главного конструктора. Он говорил им: «Первым может стать любой». А на старт вышел Юрий Гагарин.

Почему именно Гагарин?

Гагарина «рассчитал» социализм.

«Добыли» его в глухомани Смоленщины, в затерянном среди лесов и топей сельце Клушино. В мартовскую вьюжную пору 1934 года, когда избенки еще стояли по крыши в снегу, колхозник Алексей Иванович Гагарин, встревоженный состоянием беременной жены Анны Тимофеевны, отвез ее на колхозной лошаденке в гжатскую больницу. 9 марта 1934 года у него родился сын.

«Хорошо, что не на день раньше, — шутил счастливый отец. — Негоже парню в женский праздник на свет появляться».

Что касается времени — того 1934 года, то младенец появился на свет очень удачно: тогда шел шторм неба. 30 января стартовал стратостат «Осоавиахим-1», — впервые в мире он достиг рекордной высоты — 22 тысячи метров. Пробыв в полете 424 минуты, героистратонавты Павел Федосеенко, участник боев за Каховку и Перекоп, молодые ученые Илья Усышкин и Андрей Васенко при возвращении на землю погибли. Горе не сломило волю тех, кто посвятил свою жизнь познанию тайн неба. В апреле открылась Всесоюзная конференция по изучению стратосферы. На ней выступил С. П. Королев с ошеломившим всех докладом «Полет реактивных аппаратов в стратосфере». Заканчивая свое выступление, он сказал: «Работа над реактивными летательными аппаратами трудна, но необычайно интересна и многообещающа».

В тот год в тихой Калуге Константин Эдуардович Циолковский рассматривал полученные из Москвы, изданные еще по указанию Ленина тома своих Избранных трудов. В них решались задачи

исследования мировых пространств реактивными приборами. В том же 1934 году К. Э. Циолковский пишет письмо в редакцию газеты «Кино» по поводу постановки художественно-научного фильма «Космический рейс» (режиссер В. Н. Журавлев), в создании которого он принимал самое активное участие — был главным научным консультантом. Журнал «Вокруг света» опубликовал статью К. Э. Циолковского, в которой он изложил ряд идей по технике полетов в мировое пространство и развивал мысли о средствах обеспечения жизнедеятельности человека в космическом пространстве.

Гагарин был еще в люльке, а Циолковский уже заботился о скафандре для него, о питании в полете, о борьбе с невесомостью.

Полеты в космос оставались еще делом фантастов и пылких мечтателей. На самой земле герои-летчики только учили летать самолеты. В сентябрьские дни 1934 года летчик Михаил Михайлович Громов на самолете «АНТ-25» конструкции А. Н. Туполева за 75 часов пролетел 12 411 километров и установил мировой рекорд беспосадочного полета по замкнутой кривой. В тот год Валерий Павлович Чкалов с риском для жизни провел испытания нового скоростного самолета «И-16» и вопреки мнению некоторых авиаспециалистов доказал его высокую боеспособность.

В горячую пору жизни молодой советской авиации родился Юрий Гагарин.

Слушал Юра с детства и о звездах. Брат отца, дядя Паша, Павел Иванович, доморощенный философ и астроном, был любимцем детворы. Бывало, постелет он рядом на сено, ляжет сам, а рядом Юра с братом Валентином. Лежали они с раскрытыми глазами и смотрели в небо. Над ними сияли созвездия. Валентин допытывался: «Дядя Паш, а живут ли там, на звездах, люди?».

«Кто его знает... — Дядя Паша долго молчал, а потом высказал свое предположение: — Но думаю, жизнь на звездах есть. Не может быть, чтобы из миллионов планет посчастливилось одной Земле».

Послушав дядю Пашу, малыш теребил маму: «Смотри, какие звезды! Мама, но почему они такие красивые?..»

Хорошо, когда дитя тянется к звездам, значит, в нем душа чистая и красивая, рассуждали родители, но они хотели, чтобы их сын прочно стоял на земле, знал ее, умел жить в труде.

Уже потом, через много лет, Гагарин скажет о своей маме Анне Тимофеевне: «Всем, что есть, я обязан тебе, мама». «Всем обязан...» Уж нет ли какого секрета в воспитании, «тайны дома Гагариных», как «рассчитывать» героя?

На мой вопрос о «секрете», о «тайне» Анна Тимофеевна, улыбаясь, сказала:

— Всей своей жизнью родителям нужно пример детям показывать. Пусть всерьез наши малыши к жизни относятся, тут-то и весь «секрет». Работать надо. Труд — всему голова.

А дядя Паша, любивший философствовать, говорил свое:

— Звезды делу не помеха. Звезда душу будит, свет дает, человека поднимает.

В доме Гагариных под одной крышей воедино слились Труд и Мечта.

Но Мечту и Труд застила черными дымами пожарищ война. Горели леса. В Клушино доносились раскаты артиллерийского грома. В один из тревожных дней, после воздушного боя, над самой крышей избы Гагариных, едва не задев печную трубу, с ревом пронесся подбитый краснозвездный истребитель и упал в соседнее болото. С ватагой мальчишек Юра прибежал к самолету и стал показывать летчику — он назвал себя Ларцевым, — как удобнее выбраться ему из кабины на твердую землю. Вскоре прилетел другой истребитель, стал кружить, выбирая место для посадки. Летчик Ларцев поднял на руки Юру, снял с его головы кепку и принялся махать, показывая направление, где есть сухое место.

Когда летчики встретились, Ларцев усадил Юру в кабине на место пилота и объяснил ему назначение приборов. Ночью летчики сожгли разбитый истребитель и на рассвете улетели вдвоем на одном самолете.

Исчез он в небе, но в детском сердце оставил глубокий след. В черные годы оккупации, когда Гагарины, выброшенные из своей избы, жили в сырой землянке и голодали, Юра вспоминал Ларцева и как сидел он в его кабине, и его неудержимо потянуло в небо. Детишки учились счету с помощью винтовочных патронов, писали на старых газетах и читали «подпольным классом» одну книгу. А Юра мечтал о времени, когда будет читать книги про самолеты.

Жизнь была тогда неслыханно трудной, голодной, в кабале у захватчиков. Зою и Валентина угнали в неметчину. Они сбежали и тайком вернулись в родное село. Характер Юры испытывался «на излом», но он сдюжил, все перенес, показал прочность. И, как бы ни жестоко было время, Юра сохранил взволнованную любовь к поэзии. После Победы в его полевой сумке, заменявшей ранец, вместе с учебниками заняли место книги Пушкина, Лермонтова и Гайдара. В долгие зимние вечера, когда бесновалась за стенами вьюга, в избе Гагариных было тепло от пышущей жаром печи, и оттого, что вся семья вместе, и звенел голос Юры:

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореных силы напрягая,
Мужала с гением Петра.

Дыхание захватило у всей школы, когда на вечере Юрий выступил с чтением отрывка из романа «Молодая гвардия» А. Фадеева: «Мама,

мама! Я помню руки твои с того мгновения, как я стал сознавать себя...»

В зале сидела мама Гагарина и плакала. Она думала о бедах войны, как спасала от голода и пуль своих и чужих детей, как растила Юру. Он видел слезы мамы и почувствовал горячий след от скатившейся по его щеке слезинки. Но читать не перестал. И зал оценил его самообладание бурей аплодисментов.

Время стремительно. Позади — школа рабочей молодежи, Люберецкое ремесленное училище, давшее Юрию профессию литейщика, и вот уже Саратовский индустриальный техникум. А мечта о небе не давала покоя и привела в Саратовский аэроклуб. С зеленого аэродрома на Лысой горе Юрий впервые покинул Землю и там, в небе, увидел, как все стало иным, непривычным — облака оказались внизу, под крылом, а Волга превратилась в сверкающий ручеек, Саратов предстал скоплением кубиков. Но важнее всего было то, что, взлетев, Гагарин почувствовал себя в небе, как в родной стихии. Тогда он понял: без неба нет ему жизни. Ну, а как с плавкой стали? Как с металлургическими гигантами, где ждали его, молодого техника? Победило небо. А тут еще появилась на столе «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого, и Юрия потряс подвиг летчика Алексея Маресьева.

«Но «перевернул» мне всю душу Циолковский», — записал в дневнике Юрий Гагарин. На занятиях физического кружка он выбрал для своего доклада тему «К. Э. Циолковский и его учение о ракетных двигателях и межпланетных путешествиях». Юноше пришлось прочитать много книг о великом ученом и его труды, чтобы получить ясное представление о планах проникновения человека в космос.

Доклад прошел с большим успехом.

— Именно с того дня у меня появилась новая «болезнь», которой нет названия в медицине, — рассказывал Юрий Алексеевич автору этих строк, — то была неудержимая тяга в космос. Чувство это было новое, неосознанное, но оно уже жило во мне, тревожило, не давало покоя.

Еще смутно, неясно, но цель жизни уже определялась с такой силой, что Гагарин простился с профессией металлурга и целиком отдался небу. Он с отличием окончил Саратовский аэроклуб и по путевке отправился в Оренбургское военно-авиационное училище. На смену учебному биплану пришли мощные реактивные самолеты. Опалая землю потоками режущего огня, они уносили курсантов в небо над степью и мгновенно набирали большую высоту, о которой и не мечталось в аэроклубе. А Юрий Гагарин думал уже тогда о таинственном космосе, куда еще не залетал человек.

И здесь, в училище, случилось так, что Гагарину привелось выступить перед курсантами с докладом об учении К. Э. Циолковского

и будущих полетах человека в космос. Доклад он сделал до 4 октября 1957 года! А когда радио оповестило о запуске первого в мире искусственного спутника Земли, курсанты, возбужденные сообщением ТАСС, стали допытываться у Гагарина, будто он все знал и молчал только до времени: «Что же будет дальше?» Юрий сказал: «Должен полететь человек».

В тот же вечер он сделал в тетради зарисовки космического корабля, каким он его себе представлял, а в дневнике записал: вновь почувствовал уже знакомое болезненное и еще не осознанное томление, все ту же тягу в космос...

Космос звал его властно. Но воинская судьба поначалу распорядилась иначе. Гагарин улетел служить на Север, в край полярных сияний и снежных бурь. Летал он в любую погоду, бдительно охраняя воздушные рубежи Отечества. На земле создавал семейное гнездо, встретил приехавшую за ним из Оренбурга жену Валю.

Когда же, по его предположениям, пришло время полета человека в космос, в октябре 1959 года Гагарин подал рапорт на имя командования воинской части. Рапорт был лаконичен, точен и ясен: «В связи с расширением космических исследований, которые проводятся в Советском Союзе, могут понадобиться люди для научных полетов в космос. Прошу учесть мое горячее желание и, если будет возможность, направить меня для специальной подготовки».

Гагарина направили...

На аэродроме, где в маленьком, желтого цвета здании разместился первый отряд космонавтов, и на стройке Звездного городка, а затем и в самом Центре подготовки космонавтов Юрий Алексеевич Гагарин был первым во всем — и в терпеливом освоении новых для него наук, и на баскетбольной площадке, и в работах по благоустройству самого городка, только что выросшего среди лесов и лугов Подмосковья, и на сложных и трудных тренировках — будь то полеты на невесомость, парашютные прыжки, долгие часы в сурдокамере или головокружительное вращение на центрифуге. Он стремился брать на себя наиболее трудные задания. Иначе не мог, такова была отличительная черта его характера: скромно и просто быть впереди.

Герой Советского Союза Николай Петрович Каманин, руководивший в ту пору подготовкой космонавтов, говорил мне, что Гагарин сразу произвел на него большое впечатление обаятельной улыбкой, общительностью, доброжелательным отношением к товарищам и неизменным чувством юмора. Он стал «духовным центром» отряда. Без него не обходилось ни одно начинание. И было просто удивительно, когда он успевал много читать, вести общественную работу, отдавать время семье. Его все называли: наш Юра. В этом проявлялась общая симпатия.

Главный конструктор сразу обратил внимание на востроглазого, смекалистого Гагарина. Дело, конечно, случая, но все же знаменательно, что во время знакомства с космическим кораблем «Восток» как-то само собой получилось, что первым в пилотское кресло сел Гагарин.

«Хорошая примета...» — загадочно улыбнулся Сергей Павлович.

Когда подошло время старта, выделена была «ударная шестерка», в которую, конечно, вошел Юрий Гагарин. Предстояло решить: кто же полетит первым?

Сколько раз щемило мое сердце, когда во время монтажа большого фильма о жизни и подвиге Юрия Алексеевича Гагарина я просматривал снятый эпизод «Заседание Государственной комиссии». Он включен в фильм «Первый рейс к звездам» — зрители видят, как поднимается статный, большелобый, с красивым властным лицом Герой Советского Союза Н. П. Каманин и, представив членам комиссии космонавтов, говорит: «Все космонавты готовы к полету. Трудно из шести выделить кого-либо одного. Но такое решение нужно было принять, и мы рекомендуем первым для выполнения космического полета назначить старшего лейтенанта Гагарина Юрия Алексеевича. Запасным пилотом назначить Титова Германа Степановича».

Первый!

Гагарин сам говорил: два барьера возвела природа на пути человека к звездам: первый — земное тяготение. Второй барьер — сам космос. Ему предстояло преодолеть эти барьеры.

И вот он на космодроме, где все заняты подготовкой ракеты и корабля к старту. В свободный от тренировок час Юрий Гагарин пошел к ракете. Там его и встретил Сергей Павлович Королев. Позвал за собой к лифту, поднял на верхнюю площадку — к кораблю «Восток». Они молча стояли на металлической площадке, опершись на ее поручни, каждый погруженный в свои мысли. Перед ними расстилалась пустынная равнина в зеленых и желтых пятнах, по которой, словно великаны, шагали мачты высоковольтных линий.

Гагарин посмотрел в небо. Сергей Павлович, уловив его взгляд, прервал молчание:

«Наверное, из космоса Земля наша очень красива.— И, повернувшись к Гагарину, улыбнулся.— Счастливцев! Увидите ее с такой высоты... Старт и полет не будут легкими, Юрий Алексеевич. Предстоит испытать и перегрузки, и невесомость, и, возможно, что-то еще, нам неизвестное. Об этом мы много говорили, и тем не менее я хочу еще раз напомнить, что в завтрашнем полете есть доля риска. Это для вас тоже не новость.— Королев положил свои сильные руки на плечи космонавта и помолчал. Потом, перейдя с официального «вы» на «ты», по-отцовски сказал: — Все может быть, Юра. Но помни: что бы ни случилось, все силы нашего разума немедленно будут отданы тебе».

А потом сквозь рев и гул космического старта послышался ликующий, захватывающий душу голос Гагарина:

— Поехали!

Не полетели. Не стартовали. Поехали! В этом чисто русском, раздольном, пожалуй, крестьянском восклицании Гагарина проявилось его доброе и душевное отношение к ракете, как к живому существу. Так в старину относились к любимому коню.

Поэтическая душа Гагарина проявилась и в первых его сообщениях с орбиты: «Красота-то какая!»

Главный конструктор заулыбался. Психологи пришли в восторг: смертельно опасный космос, полный тайн и загадок, не подавил в Гагарине эмоциональное восприятие Земли и точность бесценных научных наблюдений.

XX век богат великими открытиями в естествознании, коренным образом изменившими многие представления и основные понятия в науке. Полет Гагарина прибавил к ним величайшее открытие: человек может жить и работать в космосе.

Полет Гагарина продолжался 30...50...60 минут. За каждой из них — века мечтаний и дерзновенных замыслов, борьбы, труда и поисков, века упорной работы тысяч лучших умов и рук человечества. Наступила 108-я минута... Гагаринский корабль, охваченный бушующим огнем, раскаленный пролетом в атмосфере, оказался над Волгой, в районе Саратова, где первый космонавт планеты впервые поднялся на аэроклубном самолете в небо. Еще горячий, в темной окалине, корабль опустился на пахотную землю, оставив в ней вмятину. Колхозный механик, прибежавший после радостной встречи с Гагариным, поспешно вбил лом во вмятину. А вскоре на том месте поставили охранный столбик: «Не трогать! 12.04.61.— 10 ч. 55 м. Моск. время».

Подводя итоги своей работы в космосе, Гагарин написал: «Первый в истории полет в космическое пространство, который мне было поручено осуществить, позволил сделать вывод о практической возможности полетов человека в космос. Полет корабля «Восток» казался чудом века, но чуда не было, была реальная действительность».

И далее: «Полеты в космос остановить нельзя. Это не занятие одного какого-то человека или даже группы людей. Это исторический процесс, к которому закономерно подошло человечество в своем развитии... Шаг за шагом космонавты и ученые открывают новые тайны, а следовательно, вносят свой вклад в развитие науки о Земле и о Вселенной, пополняют сокровищницу человеческих знаний».

Полный веры в осуществимость грандиозных проектов исследования и освоения космоса, Гагарин вновь стал готовиться к полету к звездам. И погиб... погиб вблизи Киржача, под Москвой...

Думаешь о короткой, но яркой жизни коммуниста, первого гражданина Вселенной, и перед мысленным взором открываются картины былой глухомани — бревенчатые домишки Клушина и Гжатска, леса и топи, затем — раздольное гагаринское поле на Волге. Россия издавна славилась своими знаменитыми полями — Куликово, Бородино. То поля битв, кровавых схваток с вражьей силой. А поле Гагарина — поле Мира, победы не оружия, а победы Разума, осуществления тысячелетней Мечты человечества. Обелиск, венчающий гагаринское поле, — застывшая в полете ракета. Она устремлена ввысь, в небо, к звездам, куда ведет человеческий род тропа Гагарина, проторенная им во имя счастья людей на Земле.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Поезд в будущее. <i>Рассказ</i>	3
Полигон. <i>Рассказ</i>	22
Риск. <i>Рассказ</i>	31
Начало. <i>Рассказ</i>	41
Рожденный летать. <i>Очерк</i>	48
Слово о Гагарине. <i>Очерк</i>	53

Евгений Иванович РЯБЧИКОВ

ЗА ГОРИЗОНТОМ — ГОРИЗОНТ

Редактор **Е. Ф. Олейник**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 30.07.84. Подписано к печати 18.09.84. А 00423. Формат $70 \times 108^{1/32}$. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная». Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,72. Учетно-изд. л. 4,13. Тираж 91 000 экз. Изд. № 2481. Заказ № 3253.
Цена 25 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

ДЛЯ ВАС, КНИГОЛЮБЫ!

Книжные магазины РСФСР предоставляют Вам возможность не только купить книги, но и приобрести их по выигрышным билетам Всероссийской книжной лотереи.

Стоимость билета 25 копеек, сумма выигрыша (50 копеек, 1, 3 и 5 рублей) указана на внутренней стороне запечатанного билета.

По выигрышным билетам можно приобрести любую книгу или другие печатные издания по своему выбору из наличного ассортимента книжного магазина или киоска.

Если сумма выигрыша меньше стоимости выбранной Вами книги, можно произвести доплату наличными деньгами.

90 % стоимости билетов направляется на выигрыши.

Прочитанные книги Вы можете предложить книжным магазинам для повторной продажи. Этим Вы окажете добрую услугу другим книголюбам.

**Росглавкнига
Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**